

Предисловие

Для исторического факультета Санкт-Петербургского университета имя Юрия Давидовича Марголиса является знаковым. В знаменитой 58-й аудитории или «Комнате боевой славы», его портрет помещен в галерее ветеранов факультета, хотя он не успел в строгом смысле стать «ветераном». Ю. Д. Марголис, почитавший за честь учиться и трудиться на истфаке, в силу жизненных обстоятельств преподавал на факультете всего двадцать с небольшим лет. Однако он оставил факультету своих учеников, и главное, долгую и яркую память о себе. Есть люди, чей облик воспринимается как эталон «идеально прожитой жизни» (воспользуемся определением С. А. Фирсова и А. А. Гоца, авторов одного из очерков, помещенных в этой книге). Идеально прожитой вопреки смутным временам и обстоятельствам — и в профессии, и в повседневном, непарадном ландшафте быстротекущего времени.

На историческом факультете за его более чем 75-летнюю историю, конечно, преподавали ученые, которые написали значительно больше монографий и трудов, или проработали на нем существенно дольше Марголиса. Но некая особая моральная безупречность Юрия Давидовича, его блестящие и остроумные лекции, незабываемое человеческое обаяние, подвижническая деятельность, отличавшая его всегда — в изучении истории университета, в постановке факультетских капустников, в работе со студентами и аспирантами — делают память о нем живой, а его имя — неизбежно переходящим в анналы и предания родного ему факультета.

Попытки рефлексии на тему о том, кем был Ю. Д. Марголис в науке, в преподавании, в жизни, ведут свое начало от 7 октября 1996 г., когда в день его рождения ученики, коллеги и близкие почтили его память, собравшись в Михайловском замке. Где, к слову сказать, проходили при жизни Марголиса и после его смерти знаменитые Мартовские чтения памяти С. Б. Окуня (1995, 1996, 1998), душой которых, конечно, был Юрий Давидович. На Вторых и Третьих Мартовских чтениях многие мемориальные выступления и исследовательские доклады были невольно обращены уже не только к С. Б. Окуню, но и к его ученику, инициировавшему и вдохновлявшему эти научные встречи.

За минувшие полтора десятилетия о Ю. Д. Марголисе написано немало — в жанре журнальных статей, воспоминаний, рецензий его книг. К 70-летию ученого был опубликован мемориальный том, который включал материалы семейного и научного архива историка, воспоминания о нем, научные работы учеников Юрия Давидовича. Непреходящая ценность этой книги, уже ставшей библиографической редкостью, состоит в том, что она воспринимается как документальная хроника, с редкой обстоятельностью отражающая жизнь и поступки «героя своего времени». Эта книга стала беспристрастным отражением исторического времени 1940–1990-х гг. и того окружения, в котором герою довелось прожить свою жизнь: родных и близких, друзей и недругов, коллег и учеников. Дело в том, что около половины немалого объема этой книги составляет опубликованная переписка Ю. Д. Марголиса, охватившая почти всю его сознательную жизнь — начиная с писем отца, адресованных с фронта 12-летнему сыну, и заканчивая дружескими и деловыми письмами коллег-историков 1990-х годов¹.

Валентина Григорьевна Чернуха, однокашница Ю. Д. по послевоенному истфаку, дала высокую историческую оценку этого издания, отметив редкую информативность помещенных в нем документов с точки зрения полноты и исторической стереоскопичности отражаемых ими людей и событий благодаря уникальной сохранности писем в семье Марголисов².

В год 75-летия Ю. Д. Марголиса на истфаке прошел мемориальный вечер, основной частью которого были научные сообщения, связанные с тематикой его занятий. Тогда прозвучали доклады о его шевченковедческих исследованиях и отношениях с украинскими историками, хронике его занятий историей Санкт-Петербургского университета, составе его архива, о судьбах учеников из любовно выпестованного им спецсеминара «Освободительное движение в России в конце XVIII — начале XX века».

В то же время в официальной юбилейной истории факультета о Ю. Д. Марголисе как ученом и педагоге, о читавшихся им на факультете в разное время лекционных курсах, сказано довольно кратко и формально³. Видимо, и не могла вместить официальная история факультета образ человека, наиболее ярко воплотившего талант оптимиста, увлеченного труженика, заводилы в «неофициальном» жанре постановщика знаменитых истфаковских капустников. К счастью, эту сторону его истовой любви к истфаку отразил его старший друг, автор самих бессмертных текстов капустников — недавно ушедший от нас Даниил Натанович Альшиц. Об этом подробно пишет Н. О. Серебрякова в очерке, опубликованном в настоящем издании.

К 80-летию Ю. Д. Марголиса 8–9 октября 2010 г. исторический факультет провел всероссийскую научную конференцию, которая была названа «Уроки истории — уроки историка». Всероссийской конференция оказалась по статусу, но не по реальной географической принадлежности участников, среди которых не могло не быть гостей из Украины. Конференция собрала более 60 историков, приехавших из Карелии, Украины, республики Коми, а также исследователей из Москвы, Саратова, Казани, Мурманской области. Работа конференции разделилась на несколько направлений, соответствующих научным интересам самого Марголиса, которые были весьма разнонаправлены. По собственному глубоко мотивированному выбору или в силу жизненных обстоятельств, Юрий Давидович на протяжении творческой жизни работал в нескольких исследовательских горизонтах, занимаясь историей украинско-российских связей в контексте жизни и творчества Т. Г. Шевченко, историей революционного движения и царской каторги, историей исторической науки XIX–XX вв., историей Петербургского университета и студенческого движения в целом.

В этой связи программа мемориальной конференции 8–9 октября 2010 г. и соответственно, структура настоящего сборника включает несколько самостоятельных разделов:

- *In memoriam* (личность историка в контексте исторического времени)
- Русско-украинские связи в историческом прошлом
- Власть и общество в России в конце XVIII – XX века
- История университетов Российской империи
- Актуальные проблемы историографии и источниковедения Новой истории России

В каждом из разделов читатель найдет статьи как известных специалистов, так и начинающих исследователей. Одни авторы являются учениками Юрия Давидовича Марголиса, другие — его коллегами, третьи, в силу возраста, знакомы лишь с его печатными работами. Самые молодые из авторов — студенты и аспиранты исторического факультета СПбГУ. И в этом также, как нам кажется, отражена связь с педагогической установкой Ю. Д. Марголиса, адресованной

каждому студенту, кто пробует себя в научной работе: на максимум возможно. «Студент не глину должен месить, а Шартский собор строить», — сказал как-то, на излете 1980-х гг., профессор журналисту университетской газеты, имея в виду, что университетское историческое образование в идеале должно подчиняться задачам «обучения науке», как это и было в предреволюционные десятилетия⁴.

Прежние опыты воссоздания облика Марголиса-педагога в мемориальной части настоящего издания получают закономерное продолжение. Этому, по существу, посвящены статьи Н. О. Серебряковой, вдовы Юрия Давидовича, его учеников С. А. Фирсова и А. А. Гоца. Очерк Т. Н. Жуковской, посвященный составу архива историка, фиксирует отраженное материалами этого архива отношение Ю. Д. Марголиса к своим учителям и ученикам, помещает его в историографическую традицию «ленинградской-петербургской» исследовательской школы, с одной стороны, а с другой — показывает его индивидуальные черты. В мемориальной части книги мы нашли возможным воспроизвести интервью, данное Ю. Д. Марголисом в 1994 г. популярной тогда городской газете «Час пик», которое существенно корректирует расхожее представление о революционерах-демократах, «звавших к топору» Русь.

Второй раздел сборника отражает современные подходы российской украинистики к непростой теме «сближения-отталкивания» двух культур и народов. Остро публицистическая интерпретация сегодняшних «антиукраинских» настроений предложена в статье А. И. Бутвило. Статьи Е. Ю. Клецковой и Т. Г. Таировой-Яковлевой посвящены новым источникам по истории Украины XVIII в. (Конституции Ф. Орлика), а также новой интерпретации исторических понятий («гайдамаки»).

«Университетский» раздел представлен, в основном, работами авторов молодого поколения. В фокусе внимания оказывается, прежде всего, социальная история университета: причины и следствия кадровой реформы С. С. Уварова, кризис бюрократического управления университетом в конце николаевского царствования, профессиональная адаптация универсантов на службе в провинции, формы корпоративных действий студентов, мера политики в этих действиях, быт студентов в отражении юношеских стихов Н. Я. Агнивцева, академическая солидарность в противостоянии казенному патриотизму в 1914 г. — эти и другие сюжеты отражены в материалах Т. В. Костиной, Р. Х. Галиуллиной, Е. А. Калининой К. С. Казаковой, А. В. Выскочкова, Е. А. Ростовцева и др.

Не менее интересен раздел, посвященный источникам по Новой истории России (XIX — начала XX в.) и историографии. Это малоизвестные записки иностранцев о России Николая I (Е. А. Кулакова), материалы словарей, отражающие отношение к советизмам (Е. В. Маркасова), проблемы методологии современных историографических исследований (С. И. Маловичко), содержание читательских запросов по архивам РНБ (Н. И. Веденяпина).

Наиболее объемный раздел посвящен истории общественного движения и взаимодействию общества и власти в XIX–XX вв. В нем представлены исследования по всем этапам так называемого освободительного движения — от декабристов до поздних анархистов, исторические портреты, хроники репрессивной политики сталинизма в отношении академической науки и Ленинградского университета (статьи Р. Ш. Ганелина, В. Ю. Гессена и А. А. Дмитриева).

Таким образом, предлагаемый сборник является попыткой ревизии состояния отечественных исследований по нескольким важнейшим направлениям, таким как русско-украинские политические и культурные связи XVII–XIX вв., университеты в Российской империи, отношения власти и общества в имперской России, источниковедение новой истории России. В то же время книга не теряет

значения мемориального издания, тем более что около половины авторов — ученики Ю. Д. Марголиса, продолжающие изучение близких ему проблем и сюжетов. Многие из авторов сознательно предложили статьи, связанные с их первыми исследованиями (диссертациями и дипломными работами), подготовленными когда-то под руководством Ю. Д. Марголиса.

В литературе Ю. Д. Марголис не раз и вполне справедливо был назван «шестидесятником». Из атмосферы этого времени, думается, происходил и его жизненный и социальный оптимизм, помогавший в труднейших ситуациях. А отношение Марголиса к учителям, друзьям, коллегам и ученикам, отраженное в документах его архива, может быть интерпретировано как этический и профессиональный эталон верности вневременным идеалам русской интеллигенции.

При этом особый свет личности, неповторимый юмор Юрия Давидовича, бывшего в обстановке неформального общения, да и на своих лекциях человеком неиссякаемого остроумия, также остались с теми, кто его знал, — в виде собрания «фирменных» шуток и афоризмов. Яркое слово не пропадает в пустоте, даже не будучи записанным. Устная традиция профессиональных шуток, анекдотов и афоризмов историков и об историках, как показывает опыт, сохраняется и живет внутри сообщества. Кто-то придает этим формам трансляции памяти значение источника — и они «выходят в свет»⁵. Вот и яркие «марголизмы» ныне повторяют, иногда не подозревая того, новые поколения универсантов⁶. Шутки Ю. Д., как и его образ, включены в коллективную память сообщества, границы которого легко раздвигаются от Менделеевской линии... до Сыктывкара.

...Университет, истфак — меняющийся, живой организм, поскольку он, как сама природа, вечно обновляется за счет притока «свежей крови» — студентов. Молодые историки в гражданском отношении — это, быть может, наиболее активная и позитивная часть своего поколения. Поэтому, несмотря на организационные и экономические проблемы современной высшей школы, шансы истфака остаться тем, чем он был в свои лучшие годы, более чем велики. Уважение к традициям исторической науки и факультета, к людям, прежде составлявшим его живую славу и добрую репутацию, останутся и после нас. В этом, думается, состоят «уроки истории» в их человеческом и социальном измерении, и к этим урокам наше профессиональное сообщество всегда было и будет восприимчиво.

¹ Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб., 2000. 797 с.

² Чернуха В. Г. Юрий Давидович Марголис: знакомый и незнакомый // История глазами историков. Межвузовский сборник науч. трудов, посв. 70-летию доктора исторических наук Е. Р. Ольховского. СПб.—Пушкин, 2002. С. 343–351.

³ Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 275, 282–284, 286, 298, 319.

⁴ См.: Марголис Ю. Д. Историк гражданином быть обязан // Ленинградский университет. 1990. 6 апреля. С. 6–7.

⁵ Таково восприятие уникального собрания анекдотов, отражающего не только «закулисную» жизнь светского и чиновного Петербурга, но и внутриуниверситетские отношения и образы отдельных профессоров, которое было сохранено учениками С. Ф. Платонова. См.: Васенко П. Г. Мелочи прошлого быта. Анекдотические факты из жизни... / Подг., комм. А. В. Сиренова. СПб., 2004.

⁶ См.: Марголис Ю. Д. Ремесло историка. СПб., 2001. 2-е изд. (Шутки и афоризмы Ю. Д. Марголиса, собранные и изданные его слушателями и учениками).

IN MEMORIAM

Т. Н. Жуковская

Наследие Ю. Д. Марголиса: рукописи, идеи, ученики*

Когда мы говорим о творчестве историка, большая часть жизни которого пришлось на советские годы (сталинские, хрущевские, и т. д.), приходится соотносить то, что было им опубликовано, с тем, что было написано, но по разным причинам не попало в печать (не окончено, отвергнуто редакциями, переписано, даже потеряно), и обязательно с тем, что сам человек мог и рассчитывал сделать, к чему готовился или что только обдумывал и о чем собирал материал. Это соотношение, при условии доступа к научному и личному архиву историка, порой высвечивает куда больший творческий масштаб личности, чем может дать простой анализ публикаций и списков цитирования. Это в высшей степени справедливо по отношению к Ю. Д. Марголису, человеку неординарному, талантливому, прожившему трудную жизнь, которая была наполнена ежедневным трудом и самоотдачей, но которая не баловала официальными «знаками признания».

Чтобы составить представление о творческом наследии Ю. Д., нужно прежде всего понимать, что это не был «кабинетный» ученый даже в те немногие годы и месяцы, когда ему легко работалось за письменным столом, ничто не мешало, не уводило в сторону, не отнимало время... Об этом его качестве сказано, и достаточно убедительно¹. Поэтому историографической оценке Ю. Д. Марголиса с точки зрения библиографии (а число его публикаций превосходит две сотни) я бы предпочла анализ его наследия (от слова «след», след человека) как совокупности всех его творческих и личностных отражений. Это не только возможный, но и единственно верный путь.

Дело в том, что Ю. Д. Марголис оставил огромный архив, редкий по объему и по детальности отражения прожитой творческой и личной жизни. Научный архив отражает весь диапазон его исследовательских интересов, манеру подготовки рукописей и лекций, круг научного общения. Но одновременно эти документы, особенно научные отзывы, письма и редкие, к сожалению, дневниковые записи раскрывают характер человека. В 2006 г. личный фонд Ю. Д. Марголиса в объеме 530 единиц хранения был передан в архив Музея истории СПбГУ, что, безусловно, справедливо в отношении к одному из «знаменитых универсантов» и глубоко символично, ведь Ю. Д. был одним из тех, кто прекрасно знал историю alma-mater и создавал ее.

Биография Ю. Д. достаточно хорошо отражена в статьях о нем и, главное, в мемориальном сборнике 2000 года. Однако в контексте этой статьи не лишним будет вспомнить ее основные вехи.

В 1947 г., по окончании школы, Ю. Д. Марголис поступил на исторический факультет ЛГУ, который окончил в 1952 году. Уже в студенческие годы определился его интерес к творчеству Т. Г. Шевченко в его историографическом

* Статья подготовлена при поддержке Тематического плана НИР СПбГУ № 5.38.98.2012 «Российская высшая школа и Петербургский университет в XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть».

преломлении. Его дипломная работа о Шевченко была высоко оценена рецензентом — профессором А. В. Предтеченским. Однако планы поступления в аспирантуру были разрушены арестом и заключением отца, Давида Александровича — доцента Ленинградского финансово-экономического института. В 1952–1953 гг. Юрий Давидович работал в Шамординской средней школе Калужской области, затем преподавал в учебных заведениях Ленинграда — Книготорговом техникуме и 74 средней школе Петроградского района.

В 1958–1960 гг. Ю. Д. Марголис учился в аспирантуре исторического факультета под руководством С. Б. Окуня, в апреле 1960 г. успешно защитил диссертацию на тему «Эволюция исторических взглядов Т. Г. Шевченко». В 1960–1968 гг. работал в должности ассистента кафедры истории СССР истфака ЛГУ. В 1964 г. выпустил первую монографию «Исторические взгляды Т. Г. Шевченка».

В 1968 г. Юрий Давидович был исключен из партии «за утрату политической бдительности» и одновременно решением ученого совета факультета уволен «в связи с неизбранием на должность». Это было следствием привлечения Ю. Д. Марголиса Комитетом государственной безопасности в качестве свидетеля по делу преподавателя истфака Н. В. Иванова, одного из членов так называемого Всероссийского социально-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН)². Фактически Ю. Д. отказался свидетельствовать против коллег, в то же время ему самому было предъявлено обвинение в «хранении и распространении» антисоветской литературы, к которой были отнесены книги историков и советологов Милована Джиласа, Ричарда Пайпса, Д. Чижевского, публицистика И. Л. Солоневича и др. Двойное исключение — из партии и из университета — Ю. Д. переживал очень тяжело. «В июле я был уволен из Университета, преподавание в котором считал главным делом своей жизни», — писал он в автобиографии³.

После увольнения из университета Ю. Д. Марголис был принят на ситценабивную фабрику им. В. К. Слуцкой, став ее первым историографом. В 1973 г. вышла написанная им книга «Фабрика на взморье», посвященная полуторавековой истории предприятия. Однако авторство Ю. Д. Марголиса никак не оговаривалось, что было знаком его «неблагонадежности».

В 1973–1976 гг. Ю. Д. работал в качестве научного сотрудника НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ, где занимался исследованиями проблем студенчества, участвовал в социологических экспедициях на БАМ. Его собственные научные работы в эти годы публиковались мало, он смог опубликовать несколько статей в фундаментальной «Советской исторической энциклопедии», но его проблемные статьи о революционной эмиграции и истории царской торговли были отклонены редакцией энциклопедии.

В 1976 г. Ю. Д. Марголис был приглашен на должность доцента и заведующего кафедрой истории СССР в Сыктывкарский государственный университет, где и прошли следующие четыре года его жизни. Только работая в Сыктывкаре, Юрий Давидович избавился от репутации «неблагонадежного» историка, смог проявить себя в роли организатора научно-учебной жизни кафедры и факультета, приобрел уважение и любовь коллег и студентов. Знаком реабилитации его имени было и восстановление в партии, добиться которого было для Ю. Д. делом чести.

В 1980 г. Ю. Д. Марголис был восстановлен на историческом факультете в должности доцента кафедры истории СССР. В июне 1985 г. он защитил докторскую диссертацию «Т. Г. Шевченко и русская демократическая историография второй половины XIX века», в 1986 г. избран на должность профессора, в 1988 г. утвержден в профессорском звании.

Последние книги и статьи Ю. Д. выходили уже после его смерти, многое так и осталось незавершенным. Среди нереализованных проектов прежде всего — история Санкт-Петербургского университета, которая могла бы обогатиться но-

выми документальными публикациями и исследованиями. Коллективная монография «Студенчество Петербурга: три поколения борцов за свободу», в написании которой участвовали Е. Р. Ольховский, М. В. Борисенко, И. П. Лейберов, осталась неопубликованной. Рукопись открывается написанной Ю. Д. Марголисом главой о дореформенном университете (1819–1856), в название которой положена пушкинская строка «Любовь и тайная свобода...». Две разновременных редакции этой рукописи (1986–1987 и 1995 гг.) остались в архиве историка⁴.

Тема истории Петербургского университета и революционного студенчества неизменно присутствовала в творчестве Ю. Д. с начала 1960-х гг. Находясь в Сыктывкаре и размышляя над будущей докторской диссертацией, Ю. Д. даже склонялся к тому, чтобы сосредоточиться на истории студенчества в XIX в., рассматривая ее в более широком смысле, нежели только как историю «студенческого движения». Об этом свидетельствуют его письма. Сразу по возвращении Ю. Д. на истфак ЛГУ тема «История Петербургского студенчества» была утверждена кафедрой истории СССР в качестве темы докторской диссертации (сохранился протокол заседания кафедры 1982 г.). Но через два года (т. е. всего за год до предполагаемой защиты) Ю. Д. изменил тему, решив все-таки остановиться на давно разрабатываемой им истории восприятия русской общественной мыслью творчества Т. Г. Шевченко. В 1984 г. была утверждена диссертационная тема «Шевченко и русская демократическая историография», защита диссертации состоялась 5 июня 1985 года.

За полтора десятилетия после смерти Ю. Д. Марголиса произошла, на наш взгляд, формализация отношения к написанию современной истории университета. Это проявляется не только в «юбилейной» доминанте последующих начинаний, но и в усилении духа корпоративности, замкнутости, локализации рамок новейших «университетских историй». Эти черты отмечены и объяснены современными исследователями применительно к историографии других университетов⁵.

Как историк, Ю. Д. Марголис понимал, насколько сложна проблема документального обеспечения истории Петербургского-Ленинградского университета, как мало сделано в направлении систематизации известных источников и поиска новых. Особую ценность он придавал живым свидетельствам универсантов: мемуарам, дневникам, письмам и даже устным рассказам. Еще в 1963 г. он был одним из инициаторов издания серии университетских мемуаров и организатором подготовки первого тома издания «Ленинградский университет в воспоминаниях современников», которое было заявлено как трехтомник. Первый том охватывал период с 1819 по 1895 гг. В 1982 г. был издан второй том (1895–1917). В 1986–1989 гг. Ю. Д. Марголис выступил в качестве составителя третьего тома воспоминаний универсантов, задуманного в двух частях. Он активно занимался сбором материала и подготовкой к изданию. Первая часть должна была охватывать предвоенный период в истории Ленинградского университета, вторая — годы войны. Подготовительные материалы к тому, в частности рукопись, составленная из воспоминаний нескольких десятков универсантов довоенного и военного поколений, с предисловием и частично написанными комментариями составителя, остались в архиве⁶. В 1990 г. часть документов была включена коллективную монографию «Ленинградский университет в Великой Отечественной»⁷.

В 2010 г., к 65-летию Победы, нам удалось издать эти материалы, с добавлением документов, извлеченных из уникального фонда Великой Отечественной войны, который сложился в Музее истории университета в послевоенные годы и продолжает пополняться⁸. Получилась книга почти в 60 печатных листов, с множеством иллюстраций. Это, наверное, наиболее объемное и разноплановое издание по теме «Ленинградский университет в войне». Тем самым идея Ю. Д. и его труд получили достойное завершение.

История Академического университета в XVIII веке, переходный период в истории Петербургского университета (1804–1819 гг.), социология студенчества, участие студентов в революционном движении, университетские архивы, национальные и поколенческие традиции внутри университетского сообщества, портреты универсантов XX века — учителей и ровесников (С. Б. Окуня, А. В. Предтеченского, А. Л. Шапиро, В. В. Мавродина, Е. М. Косачевской, Л. С. Семенова и др.), — вот далеко не полный перечень сюжетов, отразившихся в творчестве Ю. Д. в последнее двадцатилетие его жизни, и, соответственно, представленных материалами его архива.

Один из последних по времени замыслов — заявка на издание «Университет в мемуарах и беллетристике».

В архиве историка нас прежде всего интересуют не опубликованные по разным причинам рукописи. Издавая книгу «Памяти Марголиса» в 2000 г., мы смогли поместить в ней лишь небольшие по объему тексты: неоконченную статью «Уроки А. С. Лаппо-Данилевского», наброски историографического очерка об А. Л. Шапиро, подготовительные материалы к книге «Мой друг Тарасов».

Среди незавершенных объемных проектов назовем еще два, органично вписанных в творчество и личную судьбу Ю. Д. Первый — это история царской каторги.

Известно, что с 60-х гг. Ю. Д. занимался этой темой, результатом чего стали книги: «Сквозь время... Очерки о революционерах» (совместно с Владимиром Сандлером), «На каторжном острове»⁹. Однако в 1988–1989 гг. Марголис подавал в «Лениздат» заявку на издание еще одной книги воспоминаний «Последний Шлиссельбург», которая должна была включать, помимо известных, вновь выявленные мемуары: П. С. Мокрова, И. Н. Никитина, материалы о «Группе помощи узникам Шлиссельбурга». В архиве Ю. Д. находится последняя редакция воспоминаний бывшего узника Шлиссельбурга Ивана Сергеевича Мельникова, также неопубликованная. И. С. Мельников познакомился с Ю. Д. во время работы над книгой «На каторжном острове» и стал не только его консультантом, но старшим другом и советчиком. «Сквозь время», через два поколения молодой историк и старый революционер оказались связаны идейным и душевным родством. Теплые отношения складывались у Ю. Д. и с другими политкаторжанами, а после их смерти — с их родными. Над продолжением книги о шлиссельбуржцах Ю. Д. думал несколько лет. Препятствием для воплощения этих замыслов при жизни старых каторжан стали трагические события в судьбе самого Марголиса, связанные с его исключением из партии и изгнанием с факультета.

Самостоятельную ценность представляет переписка Ю. Д. Марголиса с героями книги «На каторжном острове» и их родственниками. Это содержательные и одновременно очень личные, доверительные письма. Ю. Д. знал им цену, поэтому имел намерение когда-нибудь их опубликовать. По крайней мере, составил заявку на книгу под названием «Письма узников „последнего Шлиссельбурга“ как исторический источник», которая должна была включить 117 сохранившихся писем каторжан к нему за десятилетие (с середины 1960-х — до середины 1970-х гг.). Среди корреспондентов: Григорий Моисеевич Муравин, Виктор Викторович Колосовский, Иван Сергеевич Мельников, вдовы бывших узников Шлиссельбурга. Письма демонстрируют разговор на равных, в них зафиксировано уважительное и доверительное отношение старых большевиков к молодому историку.

Второй нереализованный проект Ю. Д. связан с именем историка А. П. Щапова. Известно, что биографическую статью о Щапове для «Советской исторической энциклопедии» Ю. Д. написал еще в 1976 г. Его привлекла фигура историка-демократа и его блестящие сочинения, не издававшиеся с дореволюционных вре-

мен. Сюжет об отношении Щапова к творчеству Т. Г. Шевченко был включен им в докторскую диссертацию¹⁰. В 1995 г. Ю. Д. составил заявку на издание собрания сочинений А. П. Щапова в пяти томах, с росписью содержания томов и калькуляцией, однако начать переговоры о подготовке к изданию сочинений Щапова он, видимо, не успел.

В творческом наследии Ю. Д. Марголиса особое место занимает опыт осмысления жизненного пути его непосредственного учителя — С. Б. Окуня. Об Окуне он написал несколько статей (например, «Артистизм ученого» — о ярких лекциях Семена Бенциановича¹¹) и небольшую книгу, а также был инициатором Мартовских чтений в Михайловском замке, посвященных Окуню (1995, 1996, 1998), материалы которых опубликованы.

Ю. Д. считал, что творчество С. Б. Окуня востребовано и не должно быть забыто. При его деятельном участии был переиздан важнейший труд С. Б. Окуня «Декабрист М. С. Лунин» (1985). В 1989 г. Ю. Д. подготовил к печати сборник избранных статей и рецензий С. Б. Окуня под названием «История в литературе» со своим предисловием. Сборник включал известные статьи «Вольная поэзия 1800-х гг.», очерки об историзме Юрия Тынянова и Ольги Форш, рецензии на исторические романы В. Пикуля, В. Сосноры и др. Эта рукопись, полностью подготовленная к печати, объемом около 20 а. л., осталась в научном архиве Ю. Д.

Особый разговор об отношении Ю. Д. к главному объекту его исследований, Тарасу Шевченко. Рискнем предположить, что в последнее творческое десятилетие академический интерес к Тарасу Ю. Д. для себя исчерпал, хотя интерес к личности поэта и меняющемуся восприятию его творений в контексте постсоветских национальных конфликтов только обострился. Недаром на ежегодных Шевченковских вечерах 9 марта в Академии художеств доклады Ю. Д. были и острыми, и серьезными, и популярными одновременно. После защиты докторской диссертации и ее превращения в монографию Ю. Д. продолжал разрабатывать локальные сюжеты: Шевченковские годовщины, похороны Шевченко, Шевченко против антисемитизма и пр. Но, видимо, он ощущал дробность материала, неясность его новизны, наконец, противоречивость национально-политического облика поэта. В лекциях по истории общественного движения и выступлениях на спецсеминаре, которым руководил, Ю. Д., помнится, говорил о том, что Шевченко в своих призывах душил «москалей» — никакой не певец дружбы двух славянских народов, и при этом обильно цитировал поэму «Гайдамаки». Но эта мысль не так очевидна в его научных статьях.

Наследие Ю. Д. не только соответствует разносторонности его личности, но и отражает те изломы судьбы, которые ему довелось пережить, как в биографическом, так и в творческом смысле. Когда он был отлучен от преподавания и науки в 1968 г., отдушиной (и источником заработка, конечно) для него стало телевидение. Ю. Д. писал сценарии передач для Ленинградского телевидения, требовавшие не только исторической эрудиции, но и знания основ драматургии, режиссуры, умения чувствовать «человеческий материал». Передачи, которые он готовил, выходили в цикле «Герои и подвиги»: о блокаде Ленинграда, Сталинграде, партизанском движении, контрразведчиках, — всего около 20 фильмов только на военную тему. Готовя их, Ю. Д. Марголис, работал с живыми «героями», искал их, брал интервью, понимал и любил этих людей, поэтому не считал эту часть своей жизни «непродуктивной». Кроме военной, на телевидении тех лет была востребована историко-революционная тема. Среди научно-популярных фильмов, снятых по сценариям Ю. Д. фильмы «Мезенская баллада» об Инессе Арманд, «Первомартовцы», фильм о Суворове и др. В архиве историка сохранилось несколько редакций сценария фильма «Ленин и Плеханов. Диалоги» (производство студии «Леннаучфильм»), лейтмотив которого соответствует

идеологическим дискуссиям ранних перестроечных лет об истинном марксизме и судьбах революции в России. В начале 1990-х появились фильмы «Петровский университет» и «Тайна Александрийского столпа». Всего Марголис подготовил около 60 фильмов, из них 8 игровых, до последних лет выступая в роли сценариста. К сожалению, сохранились далеко не все сценарии.

Биографические документы в архиве отражают линию поведения Ю. Д. в критических жизненных ситуациях. В архиве есть несколько таких драматичных по своей внутренней организации дел.

Прежде всего это «Персональное дело», с документами, собранными им самим в отдельную папку. Начало «дела» относится к марту 1967 г., когда Ю. Д. впервые был вызван в Ленинградское управление КГБ для дачи свидетельских показаний по известному делу Николая Иванова. Реакция на факультете не замедлила ждать: тут же было отозвано представление на звание доцента, приостановлено чтение спецкурса «Кризис верхов», снята статья об историографии Февральской революции в сборнике к юбилею Октября. Даже назначение Ю. Д. на должность начальника университетского пионерлагеря было отклонено Василеостровским райкомом партии. Это было испытание, длившееся полтора года. Поведение всех лиц и сторон в этой истории документировано: Ю. Д. записал протоколы ученого совета (он фиксировал все выступления, а не только свои ответы). Первое обсуждение Советом «персонального дела Ю. Д. Марголиса» происходило в знаменитой 70 аудитории истфака 20 апреля 1968 г. (об этом свидетельствует и сохранившееся объявление). Обсуждение повторилось на майском заседании. Замечательно обсуждение и голосование на Ученом совете 30 мая. Из 15 присутствующих членов Совета 14 голосовали за «неизбрание на должность», что фактически означало увольнение с истфака, 1 голос был против. Человеком, не только осмелившимся действовать вразрез с составленным заранее сценарием исключения, но и горячо защищавшим Марголиса, была героическая Евдокия Марковна Косачевская, в свое время прошедшая через изощренные испытания сталинской репрессивной машины. Некоторые документы, освещающие эту «факультетскую историю», опубликованы, они иллюстрируют механизм «наказания» человека, преступления которого перед властью были неочевидны, но лояльность поставлена под сомнение. Процесс этот раскручивался полтора года и окончился двойным исключением Ю. Д. — из числа преподавателей истфака и из партии. Окончание «дела» относится к июлю 1968 г. 2 июля Марголис уволен из университета («в связи с избранием на должность»). 17 июля этого же года исключен из партии «за утрату политической бдительности, получение и хранение запрещенной литературы...». В конце июля в его трудовой книжке появляется запись: «Принят на должность зам. главного механика Отдела горючих материалов фабрики им. Веры Слуцкой»¹².

К «персональному делу» непосредственно примыкает переписка о восстановлении в партии (1974–1976). В Сыктывкар на должность заведующего кафедрой Ю. Д. уезжал уже восстановленным, для него возвращение партийного билета было принципиальным знаком не «прощения», но признания абсурдности всего того, что проделали с ним, и некоторой компенсацией за моральные испытания. Куда только не посылал апелляции Марголис: в Комитет партийного контроля, даже в Президиум XXIV и XXV съездов партии! После того как по его сценарию был поставлен фильм «XXIII съезд КПСС», получивший золотую медаль на конкурсе учебных фильмов в Оломоуце, Ю. Д. надеялся, что в его «деле» произошли обнадеживающие подвижки. Но он ошибся. В ответ на очередное его обращение письмом из КПК за подписью тов. А. А. Гришина сообщалось: «Нет оснований для пересмотра дела, так как обвинения, предъявленные при исключении из партии, подтверждаются».

Еще один эпизод в ряду несправедливостей, выросших из самой исторической ткани той эпохи, — безрезультатная переписка Ю. Д. Марголиса с Лениздатом и городскими партийными инстанциями о восстановлении авторства книги «Фабрика на взморье», написанной Ю. Д. и изданной в 1973 г. Имя опального историка было изъято с титула книги даже без уведомления, тогда как этот труд был результатом четырехлетних исследований Ю. Д., содержал собранный им богатейший архивный материал, позволивший реконструировать раннюю историю фабрики. Выяснилось, что фамилия автора исчезла с титула книги по указанию Главлита, данному директору Лениздата. Пробить стену запретов оказалось невозможно. Так и существует эта анонимная (в составе авторского коллектива указаны не историки, а руководители и ветераны предприятия) книга, нестандартная по содержанию и судьбе.

Историю возвращения Ю. Д. на истфак завершает переписка с парткомом ЛГУ, признавшим в конце 1979 г. целесообразность его перевода из Сыктывкарского университета.

Документальное наследие Ю. Д. Марголиса отражает как творческие, так и биографические вехи его жизни. Его переписка дает представление о широте научных и дружеских связей, таланте общения и умении дружить, притягивавших к нему людей как магнитом. Среди его корреспондентов мы находим видных ученых старшего поколения (П. А. Зайончковского, С. Б. Окуня, С. С. Дмитриева, Ю. Г. Оксмана, А. Л. Шапиро, В. В. Мавродина), бывших политкаторжан, отношения с которыми переросли в настоящую дружбу, коллег и друзей из Москвы (В. А. Дьякова, В. А. Федорова, Л. Г. Захаровой, А. Е. Иванова, В. И. Канатова, Н. Я. Эйдельмана), Петербурга (Д. Н. Альшица, Р. Ш. Ганелина, Е. М. Косачевской, Л. Е. Анкудиновой, Л. С. Клейна), Саратова (И. В. Пороха), Сыктывкара (В. П. Золотарева, А. В. Ненахова), Киева (М. И. Марченко, Ю. И. Мережинского, Е. С. Шаблиовского), Новосибирска (М. М. Громько, В. Л. Соскина). Сохранились письма сокурсников Ю. Д. Особняком стоят письма его ближайших друзей: Ю. И. Тарасова, Ю. Томсинского, В. И. Сандлера, В. Б. Крылова, В. П. Яковлева, а также переписка с родными: отцом и матерью, женой, сыном. Значительная часть представленной в архиве переписки опубликована¹³.

В архиве сохранились стихи Ю. Д. Он занимался стихотворчеством много и охотно, но писал, в основном, в жанре капустников, юбилейных мадригалов, шуток, пародий. Писал шуточные стихи друзьям, родителям, жене, сыну, и эта веселая форма бесконечно радовала не только получателя стихов, но и его самого. Он писал стихи-шутки своим аспирантам, однажды переиначил фрагмент истфаковского капустника в «Гимн семинара» («Славься, высокий во всем ординар! Славься вовеки, родной семинар!»). И сам в ответ получал полушутливые-полусерьезные оды и «гимны». Это был его стиль общения, бесконечно обаятельный, теплый, не позволявший грустить никому вокруг, по крайней мере внешне. Многочисленные варианты сценариев истфаковских капустников 50-х, 60-х, 70-х (сыктывкарских), 80-х годов — это сотни страниц первосортного юмора, достойные отдельного издания.

Но есть в архиве Ю. Д. и серьезные стихи. Это прежде всего рукописный сборник «Уроки деревенского детства», написанный на одном дыхании в 1979 г., во время лечения в санатории. Это своеобразное путешествие памяти в годы эвакуации («Кололи ль вы вязовые дрова?», стихи о дяде Пете, погибшем на фронте). Пафос и искренность этих строк, сохраненная в них деревенская речь и «ребяческий патриотизм» 1942 года необыкновенно притягательны, хоть стихи эти лишены внешних литературных красот.

Самые ранние документы в фонде — школьные тетради Ю. Д. Будущий историк проявил себя рано. В девятом классе (осень 1945 г.) Юра Марголис написал

реферат «Русско-японская война 1904–1905 гг.» и представил его в качестве конкурсной работы на истфак. Любопытно, что этот реферат, написанный в обычной школьной тетради, попал на рецензию сразу к двум маститым профессорам — А. В. Предтеченскому и Н. А. Корнатовскому. Н. А. Корнатовский в отзыве заметил: «Написано грамотно, со знанием основной литературы, <...> заслуживает хорошей оценки и поощрения». Таким образом, можно утверждать, что отношения Ю. Д. Марголиса с истфаком ЛГУ начались не в год его поступления, а двумя годами раньше.

В архивах историков нечасто сохраняются студенческие работы. В архиве Ю. Д. Марголиса сохранилось несколько студенческих рефератов и курсовых работ. На II курсе им была написана работа «К вопросу о русско-английских отношениях при Петре I (1700–1721 гг.)», на III курсе — «Артиллерия русской армии первой четверти XVIII столетия». На титуле этой курсовой имя научного руководителя не указано, но влияние В. В. Мавродина в определении той и другой темы несомненно. Этот факт говорит о том, что до IV курса интересы Ю. Д. были далеки от изучения исторических взглядов Т. Г. Шевченко, чем он занялся только в последние два университетских года. В июне 1952 г. Ю. Д. Марголис защитил диплом «Исторические взгляды Т. Г. Шевченко» (текст сохранился в архиве), высоко оцененный рецензентом А. В. Предтеченским (сохранилась и рецензия).

Широкая историческая эрудиция с одной стороны и природная отзывчивость, безотказность и добросовестность с другой объясняют наличие в архиве Ю. Д. невероятного количества разнообразных отзывов и рецензий, при том что официальным членом редколлегии ведущих журналов, экспертных советов он никогда не был. В 1980-х — начале 1990-х гг. Ю. Д. выступил титульным рецензентом или научным редактором многих и многих изданий, разброс проблематики которых весьма широк. Все рецензии, подробные и обстоятельные, существующие часто не в одной редакции, сохранились. Ю. Д. рецензировал книги Л. Г. Захаровой, В. С. Дякина, Р. Ш. Ганелина, Ю. Б. Соловьева, М. Ф. Флоринского, А. Е. Иванова, издание документов по истории Совета министров. В то же время он выступил внутренним рецензентом «Записок» декабриста С. Г. Волконского, подготовленных Н. Ф. Караш и А. З. Тихоновской, — источника, далекого от его собственных интересов. И это очень содержательная рецензия. Многочисленны его отзывы на работы учеников, студентов и аспирантов, в том числе их заявки на гранты. Всего в архиве Ю. Д. сохранилось более 250 отзывов разного рода. Невероятная, зримая отзывчивость.

Отзывчивость как свойство личности проявлялась и в «мемориальных» выступлениях Ю. Д. — в виде некрологов, в подготовке мемориальных заседаний, в организации гражданских панихид и поминок. В его архиве сохранились рукописи опубликованных некрологов. Некоторые из некрологов вышли без подписи Ю. Д., но принадлежат его перу. Известная история — некролог С. Б. Окуня, опубликованный в «Вопросах истории», вышедший без подписи опального тогда Марголиса. Есть рукописи некрологов Л. С. Семенова (в трех редакциях), А. Л. Шапиро (с вариантами). Не найдена рукопись некролога Е. М. Косачевской, опубликованного в университетском еженедельнике в октябре 1994 г. О погибшем в 1988 г. при крушении поезда «Аврора» Михаиле Фельдмане Ю. Д. опубликовал в еженедельнике «Ленинградский университет» очерк «Универсант» с подборкой стихов Михаила. Это был бывший дипломник Марголиса, человек известный в университете, поскольку продавал книги в киоске на истфаке. Впоследствии вышли книга стихов М. А. Фельдмана (в рукописном виде они были переданы Ю. Д., вероятно, самим Михаилом) и его статья о грузинском патриоте Соломоне Додашвили и грузинском землячестве студентов (в соавторстве с Ю. Д. Марголисом и Г. А. Тишкиным).

Печальный ритуал гражданских панихид — неотъемлемый атрибут академической культуры — с его участием казался более человеческим. Он душевно и тепло проводил в последний путь коллег по кафедре — Александра Львовича Шапиро и Евдокию Марковну Косачевскую, дорогих ему людей. Заботился Ю. Д. об университетских стариках: плодотворно дружил с универсантами военного поколения: Н. А. Ансбергом, М. О. Малышевым, А. А. Эльяшовой, Р. А. Золотницкой, с ветеранами факультета, навещал Лидию Ефимовну Анкудинову, Ангелину Алексеевну Окунь, Лию Михайловну Предтеченскую, Любовь Абрамовну Шапиро. В 1990 г. от имени факультета он составлял ходатайство о материальной помощи Анне Афанасьевне Мавродиной. Ветераны университета часто обращались к нему за посредничеством в передаче архивов и мемориальных вещей на хранение, в публикации своих воспоминаний или научных трудов. Ю. Д. вел переговоры, хлопотал, устраивал их дела, побуждал к написанию воспоминаний.

Марголиса-ученого не было бы без Марголиса-лектора — яркого, ироничного, умного, любимого многими поколениями студентов. Лекции становились для него формой проверки на аудитории отдельных гипотез, идей, суждений и способом их более четкого и яркого формулирования. Архив Ю. Д. содержит программы лекционных курсов, читавшихся им в разные годы, по которым можно установить их полный список. Среди них спецкурс «Кризис верхов накануне Февраля» (читался на истфаке ЛГУ, с 1963 по 1967 г.). Сохранилась его подробная программа. В Сыктывкаре, чувствуя себя гораздо свободнее, Ю. Д. читал несколько новых для себя спецкурсов, причем одновременно: «Дискуссионные проблемы истории освободительного движения», «История и социология», «История Украины», «Общественное движение в России в 30–40-е гг. XIX в.», «Становление и развитие советского образа жизни». Вернувшись в ЛГУ в 1980–1981 учебном году, Ю. Д. продолжил читать курс «История Украины в XVII–XIX вв.»¹⁴, а также разработал новый для себя курс «Университет в Петербурге в XVIII в.». Заметим, он никогда не читал спецкурс о Шевченко, вероятно считая эту область своих занятий слишком камерной для студенческой аудитории.

Материалы архива отражают индивидуальную манеру чтения лекций, которая отличала Ю. Д. Марголиса. Всех имеющих дело с преподаванием волнует успех собственных лекций и постижение «секретов мастерства». Ю. Д. эту проблему затрагивал в своей статье и докладах об Окуне-лекторе, считая основой лекторского мастерства Окуня «артистизм». Артистизм был присущ и ему самому, хотя, быть может, и не в такой концентрации. Но в речи Ю. Д. было нечто собственное только ему, когда он говорил с аудиторией — афористично и в то же время спокойно, как бы размышляя вслух, что производило впечатление экспромта. Ю. Д. запомнился всем исключительной точностью и насыщенностью речи. Разбирая архив, мы начинаем понимать, «как это сделано».

Дело в том, что Ю. Д. составлял не записи лекций, как большинство преподающих, а лишь планы и тезисы, набросанные на небольших листках бумаги, которые он даже не вынимал из портфеля. Готовый текст лекции скрывал его. Ю. Д. никогда не читал с листа, обладая блестящей слуховой памятью, он не «видел» лекцию, а, скорее, «слышал». Человек, преподававший сорок лет, почти не писал лекций, как пишет их большинство. Он всходил на кафедру без единой бумажки и сходил с нее, ни разу не сбившись, не ослабив напряженного темпа лекции, точнее — полуторачасового умного, логичного, насыщенного фактическим материалом, блестящего по форме разговора с аудиторией. По характеру подготовительных материалов к лекциям можно отчасти восстановить методику его преподавания, понять психомоторику чтения, постичь секрет того непреходящего успеха, который он имел в самых разных аудиториях.

В лекциях Ю. Д. была интрига, плотность мысли, часто помещенной в оболочку иронии и оттого казавшейся еще более яркой. Эти фразы он придумывал, обкатывал, многократно повторял. Все, что им говорилось, было умно, точно, тонко и, как помнят все его слышавшие упаковывалось в неповторимые словесные обороты.

Как показывает архив, Марголис не писал текстов лекций, за исключением первых лет преподавания в школе и Книготорговом техникуме. В дальнейшем его подготовка к лекции заключалась в *продумывании* того, что он скажет. Обладая своеобразной «слуховой» памятью, в годы работы над докторской Ю. Д. нашел технику, которую потом использовал несколько лет: наговаривал необходимое на диктофон, расшифровывал (с помощью аспирантки О. Н. Ансберг), при необходимости дополняя машинописный текст и справочный аппарат. Но эти расшифрованные диктофонные записи – совершенны, это готовый текст.

Личность Ю. Д. Марголиса уже сейчас неотделима от университетских преданий. Это был один из самых преданных историков и летописцев *alma mater*, вписанный в память исторического факультета знаменитыми «капустниками», в организации и проведении которых он участвовал на протяжении четверти века (1958–1984 гг.). Команда КВН нынешнего истфака, которая называется «Своими словами», могла бы провести по этим сценариям ретровечер «О чем шутили на истфаке 50 лет назад».

Это был великий труженик. Так было сказано в некрологе Марголиса, опубликованном в «Санкт-Петербургских ведомостях» 16 февраля 1996 г. Архив историка эту формулу исчерпывающе подтверждает. «Казалось, он жил легко» — писали знавшие его. Ощущение легкости существования Ю. Д. в науке было бы особенно обманчиво, оно корректируется огромным количеством черновиков, вариантов, редакций каждой из его работ. Писал он далеко не так просто, как может показаться, переделывая написанное еще и еще раз, стремясь к точности языка, совершенству формы. Если что-то не нравилось, бескомпромиссно перепечатывал текст на старенькой машинке или чаще переписывал от руки и потом отдавал машинистке. Отсюда — немалый объем личного фонда Ю. Д., в котором более 500 единиц хранения.

Свой педагогический и научно-организационный талант Ю. Д. Марголис реализовал как в подготовке коллективных изданий («Ленинградский университет в Великой Отечественной», «Очерки по истории Ленинградского университета»), так и в руководстве постоянно действующим на историческом факультете семинаром «Освободительное движение в России в конце XVIII — начале XX вв.».

Ю. Д. много и с душой работал со студентами, отсюда благодарная и долгая любовь к нему бывших студентов, людей, которых он «открыл». Может быть, статистика тут и не послужит прямой иллюстрацией, однако число формально успешных в науке, то есть дважды «остепененных» его учеников, превзошло два десятка. Многие из них в своем творчестве до сих пор связаны с той темой, которую «исполнили» под руководством Ю. Д. еще в студенческих работах. Через семинар Ю. Д. прошли десятки студентов и аспирантов, особенно многолюдным он был в 1986–1996 гг. Это были очень способные и, главное, самостоятельно мыслящие студенты, просто потому, что в обстановке «раскрепощения мысли» конца 80-х — начала 90-х гг. такие молодые люди объединялись вокруг тем, дающих возможность осмыслить то, что привело нашу Родину к революции 1917 г. с ее необратимыми последствиями.

Этот тематический поворот отражает и программа юбилейной конференции, благодаря тому что многие авторы докладов — участники «семинара Марголиса».

«Семинаристы» преподают во многих ВУЗах города, работают в научных учреждениях, музеях, библиотеках. Как говорится, где нас только нет... И мы не

теряем связь друг с другом. Не будь этой связи и взаимопомощи, мы не подготовили бы конференцию к 80-летию учителя и настоящий сборник. Тесные взаимосвязи учеников Ю. Д. продолжают много лет в форме соавторства, рецензирования, совместных проектов и, что важнее, готовности оставаться «в поле дружбы», помогать друг другу, встречаться, общаться на протяжении более двадцати лет. Помогает поддержанию чувства дружбы и общности сердечное отношение к нам вдовы Ю. Д. — Нины Олеговны Серебряковой. Благодаря ей, дом Ю. Д. всегда открыт для наших встреч, а в ней самой мы находим не только помощь и поддержку, но главное — тот же свет души, которым щедро одарил нас учитель.

Вспоминая Ю. Д. Марголиса сегодня, хорошо понимаешь: вот он, неизменный стандарт «идеально прожитой жизни». Это относится как к профессиональным, так и к непрофессиональным «воплощениям» этого человека. Архив историка не размывает этого ощущения цельности, а укрепляет его, не развенчивает (и такое бывает) образа, а вызывает восхищение масштабом личности.

...Годы проходят. 15 лет без Ю. Д. — это уже много для живой памяти. Все меньше ярких, живых черточек в коллективной меморизации его облика, которая по силам только людям, близко знавшим его.

Самым важным из всего, что оставил после себя Ю. Д. Марголис, мне кажется неповторимый свет личности — щедрой, разносторонней, необыкновенно обаятельной. Человека нельзя повторить, есть в каждом некая неповторимая формула. Шутить так, как шутил он, не сможет никто даже если призвать на помощь его бессмертные афоризмы, давно и не однажды опубликованные¹⁵. Просто — не повторить интонацию. Но горечь неповторения смягчается пониманием: он слишком повлиял на нас, чтобы уйти бесследно. Если бы не встреча с Ю. Д., мы были бы другими. Значит, он остался в нас. Это понимание, я уверена, разделяют многие ученики Марголиса, близкие к нему люди, все, кто его знал и любил.

¹ Ганелин Р. Ш. Казалось, что ему не может быть грустно // Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб.: Серебряный век, Контрфорс, 2000. С. 436.

² См.: Алексеева Г. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вильнюс-Москва, 1992; ВСХСОН: Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. Paris, 1975.

³ См.: Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 161–175, 172.

⁴ Архив Музея истории СПбГУ. Фонд Ю. Д. Марголиса. Оп. 1. Д. 104, 136, 136а, 37, 138.

⁵ Вишленкова Е. А. Феномен «наделения» в «Историях» Казанского университета // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 219–230; Вишленкова Е. А. Малышева С. Ю., Сальникова А. А. История университета как история памяти корпорации // *Ab imperio*. 2004. № 3. С. 271–311; Вишленкова Е. А. Сальникова А. А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. 2004. № 5. С. 133–141.

⁶ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. Ю. Д. Марголиса. Д. 101–6.

⁷ Ленинградский университет в Великой Отечественной. Очерки / Отв. ред. Ю. Д. Марголис. Л., 1990.

⁸ «Мы знаем, что значит война»: воспоминания, дневники, письма универсантов военных лет» / Сост. Т. Н. Жуковская, И. А. Тихонов; отв. ред. И. А. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ. 664 с.

⁹ [Марголис Ю. Д.] В. Лихтенштадт. Б. Жадановский. С. Киров. Р. Семенчаков. К. Самойлова // «Сквозь время...»: Документальные очерки о молодых революционерах. 1895–1917. М.: Молодая гвардия, 1968. С. 5–117; 135–199; 261–288 (в соавторстве с В. Сандлером); На каторжном острове. Дневники, письма и воспоминания политкаторжан «нового Шлиссельбурга» (1907–1917). Ред., предисл., коммент. Ю. Д. Марголиса. Л.: Лениздат, 1967.

¹⁰ Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко и русские историки-демократы. Л., 1991. С. 125–148.

¹¹ Марголис Ю. Д. Артистизм ученого: воспоминания о С. Б. Окуне // Очерки истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 22–30.

¹² Личное дело Ю. Д. Марголиса в Отделе кадров СПбГУ (удалось ознакомиться с ним в 1995 г.).

¹³ Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания...

¹⁴ См. об этом статью А. Ю. Дворниченко в настоящем издании.

¹⁵ Профессор Ю. Д. Марголис. Ремесло историка. СПб., 2001.

Н. О. Серебрякова

Учитель и его ученики

Научная конференция «Уроки истории — уроки историка», посвященная 80-летию профессора Юрия Давидовича Марголиса, прошла на родном ему Историческом факультете спустя 15 лет после его смерти. «Уроки» выглядели основательно, а память оказалась живой. Конференция была инициирована учениками Ю. Д., его спецсеминаром «Общественное движение в России в конце XVIII — начале XX века.» Теперь это взрослые люди, разные по возрасту, характерам, научным интересам, защитившие кандидатские и докторские диссертации, работающие в различных учреждениях и ВУЗах города. Они разные, но их объединяют неформальные узы семинарского братства и память об Учителе.

Собственно неофициальное определение «учитель» возникло рядом с именем Ю. Д. Марголиса как-то само по себе. Наверное, это заложено в традициях исторической школы университета. Ведь формально руководит семинаром не учитель, а научный руководитель, который должен обучить студентов и аспирантов методам научного исследования на уровне написания курсовых и дипломных сочинений, на уровне подготовки кандидатских диссертаций. И совсем не каждый преподаватель высшей школы удостоивается уважительного звания — Учитель.

В действительности в истории факультета произошло достаточно редкое событие. Спустя два года после смерти Ю. Д., как эхо его души, возродился его любимый спецсеминар. Инициатива, естественно, исходила от самих ребят, собиравшихся к тому времени в нашем доме в дни его рождения. С 1998 года, по пятницам, как в былые времена, в университете происходили заседания спецсеминара — с докладами, рефератами, заинтересованным обсуждением. Многие из докладов, «проверенных» на семинарской аудитории, потом публиковались (в частности, на основе докладов в семинаре были подготовлены статьи, опубликованные учениками Ю. Д. в мемориальном сборнике к его 70-летию). Возрождение семинара произошло в те годы благодаря гостеприимству Музея истории университета и его директора И. Л. Тихонова. Несколько лет семинар собирался в Музее, позже, когда на истфаке сменилось руководство, семинар возвратился в родные стены. Оставаясь неформальной школой общения, семинар выполнял и академическую функцию — бывшие студенты Ю. Д. перестали быть студентами, но в семинар приходили ученики учеников — слушали других, выступали сами. «Академические» заседания сменялись праздничными встречами: в том же Музее СПбГУ, в Михайловском замке, в Музее Суворова, в доме Ю. Д., на квартирах семинаристов. К юбилею семинара, в 2001 г., в Музее был проведен праздничный музыкально-поэтический вечер. Это был капустник в традициях знаменитых капустников истфака. Конечно, он прошел более скромно, чем те капустники, которые ставились самим Ю. Д. Тем не менее, даже через 10 лет, тепло вспоминаются пародии, шутки, песни и даже декорации, которые хранятся в нашем доме до сих пор. Повзрослевшие семинаристы веселились как дети, радуя самих себя и многочисленных гостей.

В марте 2006 г. в честь 75-летия Ю. Д. Марголиса на историческом факультете его учениками был проведен вечер его памяти. К этому моменту Т. Н. Жуковской было закончено описание архива Ю. Д., который был передан в Музей истории СПбГУ. Участники семинара выступили с удивительно тонким профессиональным анализом основных направлений исследовательской деятельности учителя. Это были доклады О. Н. Ансберг, Т. Н. Жуковской, Т. Г. Яковлевой. Не менее интересными были сообщения А. Л. Гоца и Н. И. Веденяпиной о самом семинаре: «Семинар Ю. Д. Марголиса как школа науки» и «Семинар» в зеркале библиографии». Кстати, последняя тема имеет свое продолжение и пополняется новыми научными работами семинаристов.

Семинар для всех его участников значил и значит очень много. Он поддерживал неподдельный научный интерес к тому, чем занимается каждый из них, формировал особо доверительную и свободную среду научного обсуждения. Атмосфера дружественности и творчества каждый раз возникает на этих встречах. Но главное, пожалуй, это равнодушное отношение друг к другу, готовность помочь, поддержать в сложных жизненных обстоятельствах. На память приходят строки из альбома, хранящегося в архиве Ю. Д. и ставшего частью традиции его семинара — стихотворные приветствия. Вот одно из них, обращенное к студентам, покидающим семинар по окончании курса:

Запомните, о други, семинар,
Как мы блюли научные затеи,
Как вплавь пускались, плавать не умея,
И за девятым шел десятый вал.

Или еще строки:

Есть нечто, чем мы связаны навек,
В бурливых схватках семинарских штудий.
Ведь никакой ученый человек
Студенческого века не забудет.
Боясь крупнокалиберной слезы,
Я знаю, вы в смущении молчите.
Но, уходя, услышьте мой призыв —
Вернитесь, приезжайте, приходите!

Многие ученики Ю. Д. «вернулись» в семинар и остались в нем, поскольку семинар превратился в нечто большее: круг друзей, форму более или менее постоянных встреч, стиль отношений. На юбилейные встречи приезжали из других городов: Ника Ермичева и Александр Серов из Москвы, Наташа Дьяконова из Якутска. Но и те, кто не приходил или не приходит на эти встречи, думается, продолжают помнить свои студенческие и аспирантские годы в семинаре. Когда общаешься с ними, ощущаешь, что их «академическому отцу» удалось передать им свои солнечность и обаяние, серьезное отношение к науке и доброе отношение друг к другу.

Вспоминается время подготовки сборника «Памяти Ю. Д. Марголиса» к 70-летию со дня его рождения¹. От единодушной идеи создать этот сборник до ее воплощения мы были одной командой. Ребята горячо поддержали мое предложение отказаться от традиционного для подобных изданий биографического очерка и одобрили попытку воссоздать жизнь Ю. Д. на основе писем и документов. На одном из семинаров они стали первыми слушателями документального жизнеописания Марголиса, сложенного из его писем. Их искренняя поддержка

и активная помощь ускорили и облегчили работу над рукописью. Это была огромная работа по уточнению фактов, сбору справочных данных для комментария и т. д. Сборник включил незавершенные работы Ю. Д., которые подготовили к печати его бывшие аспирантки, кандидаты исторических наук О. Н. Ансберг и Т. Н. Жуковская, воспоминания о нем, а также работы его учеников. В книгу помещены пронзительные воспоминания участников семинара и фрагменты семинарского фольклора, а также стихи семинаристам, написанные самим Ю. Д. Позже Валентина Григорьевна Чернуха напишет о нем: «Человек достоин такой книги памяти, и книга достойна своего героя... Ее надо читать всем, и знавшим его, и не знавшим: эта книга о нем, но и о его времени, его поколении, его науке, его стране. Его не забыли, и, значит, слово его отозвалось в следующем поколении, к чему он так стремился»².

Размышляя над этим, нельзя не отметить, что сам Ю. Д. прошел школу истфака в то непростое время, когда историческая наука была стеснена идеологической несвободой. Но на факультете работали выдающиеся историки той поры С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. В. Предтеченский, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, М. А. Гуковский, С. Б. Окунь и др. Они не только читали лекции студентам, но, будучи носителями университетской культуры духа, воспитывали студентов, расширяли их кругозор. Да и сами были примером высокой духовности и нравственности. Правда, наряду с этой блестящей плеядой, были и другие преподаватели, которые придерживались рамок официоза и серьезными учеными не являлись. Выбор должны были делать сами студенты.

Это были трудные послевоенные годы. В аудитории истфака вместе с вчерашними выпускниками школ пришли фронтовики, чья учеба была прервана войной. В. Г. Чернуха, сама учившаяся на истфаке курсом младше Ю. Д., вспоминала: «Среди студенчества, пришедшего на исторический факультет во второй половине 40-х годов, было очень много крупных личностей, способных людей, явно не случайно выбравших профессию, работавших в студенческом научном обществе. Но даже среди них Юрий Давидович Марголис не терялся, был личностью заметной и любимой, заметной как-то по-особенному»³.

Ю. Д. сознательно остановил свой выбор на профессии историка. В значительной мере выбор этот сформировался в семье. Его мама Варвара Ивановна Герасимова была историком и занималась средневековой историей России. Отец преподавал политэкономия в ФИНЭКе. Родители встретились в Ленинграде, приехав сюда учиться по путевкам ВАКСМ. Они были преданы советской власти и безоглядно трудились для процветания родины. Тогда еще существовали такие понятия и идеалы. И выучились, и состоялись в профессии, защитили диссертации. Это была образцовая советская семья. Отец, Давид Александрович Марголис, воевал, прошел с боями до Берлина, был ранен. И каждый день, каким бы трудным он ни был на войне, писал домой. Эти письма Варвара Ивановна сохранила. В них не только хроника военных событий, но и размышления о жизни, героизме, чести. Эти письма, безусловно, оказали влияние на гражданское становление сына.

Выбрав своей стезей историю и поступив на истфак, Ю. Д. Марголис с головой окунулся в студенческую жизнь, обрел друзей. Кроме блестящих лекций и семинаров были студенческий театр, СНО, капустники, студенческие трудовые вахты, строительство Пожарищенской и Медведковской ГЭС, где ему пришлось побывать и комсоргом, и землекопом. «Он всегда был благожелателен, распахнут, остроумен в редком смысле слова, и после встречи с ним всегда оставалось хорошее настроение», — вспоминает В. Г. Чернуха⁴. Однако веселая суетность студенческой жизни не заслоняла главного, ради чего он пришел на истфак. В. Г. Чернуха пишет: «... Для меня узнать, что у него написана большая и хоро-

шая дипломная работа, было как-то и неожиданно, ибо возникал вопрос, когда это он умудрился»⁵.

В дипломном сочинении Марголис исследовал исторические и общественно-политические взгляды Т. Г. Шевченко. О серьезности этой работы было сказано в отзыве официального рецензента профессора А. В. Предтеченского, который сохранился в архиве Ю. Д.: «В качестве дипломной работы представлен труд, являющийся результатом долгого и упорного собирания материалов, их тщательного исследования. Работа Ю. Д. Марголиса может быть отмечена как вполне самостоятельное научное исследование, имеющее безусловное значение для советской исторической науки. По своему идейно-научному уровню она стоит выше обычной дипломной работы». Ю. Д. продолжит исследования исторических воззрений крестьянского поэта в своей кандидатской диссертации.

Обращение к мощной личности Кобзаря, стихотворное творчество которого было очень близко Марголису, было подсказано В. В. Мавродиным. На первый взгляд казалось, что певец свободы и воли украинского народа — объект для историка достаточно необычный. Однако Т. Шевченко был теснейшим образом связан с представителями передовой общественной мысли Петербурга. Он, безусловно, испытывал влияние революционных демократов — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. Но и его творчество, в свою очередь, оказало огромное влияние на общественно-политическую жизнь России второй половины XIX века.

В монографии, посвященной связям Тараса Шевченко с Петербургским университетом, Ю. Д. Марголис писал: «Ученик Брюллова в искусстве живописи, восприимчивый к освободительным и патриотическим идеям декабристов, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя в литературе, восторженный почитатель Щепкина, признанный знаток и тонкий критик исследований Бодянского, Соловьева, Костомарова в историографии, боевой и верный товарищ Курочкина и Михайлова, — Шевченко был живым воплощением единства демократических культур двух братских народов»⁶. Но вместе с тем для него русский декабрист — «благовеститель свободы», польский революционер — «друг и брат», Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Кольцов, Салтыков-Щедрин, братья Курочкины — «наши» и «друзья»⁷. Такой ракурс исследования, на стыке историографии, источниковедения, истории идей и литературных связей, был необычным для исторического факультета, да, пожалуй, не только для него. Первые публикации Ю. Д. были замечены и высоко оценены украинскими коллегами. Среди них известные шевченковеды — В. Г. Сарбей, Е. В. Кирилук, Е. С. Шаблювский, М. И. Марченко, Н. П. Ковальский, Ф. П. Шевченко и др. Возможно, именно изучение идейных связей великого поэта привело Марголиса к глобальной теме «Общественное движение в конце XVIII — начале XX века». Эти темы станут «пожизненными» и пройдут через все его творчество, чуть позже к ним прибавится изучение истории родного университета и студенчества. Однако при выборе темы докторской диссертации Ю. Д. остановится все-таки на Шевченко. Но к тому моменту произойдет в его жизни много трагических и обидных событий.

Справедливости ради надо сказать, что за какое бы дело ни принимался Ю. Д., он к этому делу относился с полной отдачей и веселым оптимизмом. Даже тогда, когда вместо обещанной аспирантуры его «распределили» в Шамардинскую среднюю школу Калужской области, он начнет погружаться в методику преподавания истории, чему на истфаке всегда учили недостаточно. Из письма родителям 1952 г.: «Первое о чем прошу: посылайте мне немедленно всю методическую литературу по истории, ибо я абсолютно не подготовлен для работы в школе и молодец только против шамардинских овец. Литература мне нужна, как воздух. Начинаются мои настоящие Университеты...».

Но эти «университеты» были прерваны совершенно неожиданными для семьи Марголисов событиями. По «ленинградскому делу», уже на излете разбирательств, был арестован отец, который занимал пост проректора Финансово-экономического института, а по его учебнику студенты многих вузов изучали политэкономия. Отец — фронтовик, дошедший до Берлина! В Ленинграде осталась мама с пятилетним братом на руках. Эта семейная драма была потрясением для сына, хотя он не имел розовых очков и адекватно с точки зрения думающего человека и историка оценивал происходящее в стране. Еще находясь в Шамардино, он пишет во все высокие инстанции, пытаясь доказать несправедливость санкций, применяемых к отцу. Д. А. освободят только к концу 1957 года. События эти, без сомнения, добавляли бойцовских качеств в мужской характер Ю. Д., без которых жить в нашем непредсказуемом обществе было невозможно. Все эти годы Ю. Д. Марголис учительствовал, сначала в Книготорговом техникуме, а потом в 74 средней школе Петроградского района. С выпускниками этой школы он продолжал встречаться до последних дней.

Только в 1958 г. осуществилась его заветная мечта. Он поступил в очную аспирантуру исторического факультета ЛГУ. Его научным руководителем стал С. Б. Окунь, деканом в то время был В. В. Мавродин. Сам Ю. Д. видел большую удачу в том, что годы его аспирантуры выпали на время хрущевской оттепели: «Это было время возвращения идей, людей, школы...». Он досрочно, в апреле 1960 г., защитил кандидатскую диссертацию «Эволюция исторических взглядов Т. Г. Шевченко», которая стала продолжением его дипломного сочинения. После защиты его оставляют ассистентом на кафедре истории СССР.

При ретроспективном взгляде на жизнь и творчество Ю. Д. Марголиса можно сказать, что его первое десятилетие на факультете (1958–1968 гг.), наверное, было самым счастливым периодом его жизни. Возвратился из воркутинской ссылки отец, определяются несколько основных направлений его исследовательской работы. Если обратиться к библиографии его трудов, то он активно публикуется. Последовательно издаются его статьи по шевченкиане.

В начале 1960-х гг. Марголис вместе со своими друзьями Г. Г. Прошиным и В. А. Ежовым задумывают издание «Ленинградский университет в воспоминаниях современников». Первый том, охватывающий период 1819–1895 гг., был составлен довольно быстро. Он увидел свет в 1963 году. Позже Ежов вспоминал, что Юра буквально заражал их своим энтузиазмом, и его увлеченность стала «залогом успешного исполнения рожденного им замысла»⁸. Одновременно в поле его научных интересов попадает история студенчества. Возможно, импульсом послужила обнаруженная Марголисом в ЦГАЛИ черновая рукопись А. Н. Бекетова «Характеристика студентов, особенно петербургских».

В это же время проявляется его научный интерес к развитию общественной мысли и освободительному движению в России. «На протяжении 5 лет без перерыва, как отмечает сам Ю. Д. Марголис, он вел два спецкурса: «Идейные течения 1830–1840-х годов» и «Кризис „верхов“ накануне Февраля», а также спецсеминар «Революционная ситуация в России накануне Февраля»⁹. Его спецкурс о кризисе «верхов» накануне 1917 года, по воспоминаниям слушателей, собирал такую аудиторию, что студентов порой приходилось размещать в Лектории истфака. В последние 15 лет жизни Ю. Д. тема общественного движения в России XVIII—начала XX веков станет темой, объединяющей интересы его учеников. Расширение периода первоначальных исследований с XIX века на период империализма повлечет тематическую многосюжетность их работ.

В 1967 г. выйдет сборник, в который он вложит много души и сил и который станет для него не просто очередной публикацией. Это книга «На каторжном острове: Дневники, письма и воспоминания политкаторжан „нового Шлиссель-

бурга“ (1907–1917 гг.)». Живое общение с героями этих событий, многие из которых стали его друзьями, их деятельное сотрудничество позволило Марголису, выступившему научным редактором, составителем и автором комментариев, проверить достоверность собранных материалов, углубить научный комментарий, связать его с современностью. Впоследствии метод опроса, записи устных рассказов участников тех или иных событий станет инструментом в исследованиях не только самого Ю. Д., но и его учеников. При выпуске сборника он впервые столкнулся с жесткими правилами «системы». Его комментарии в части судеб последних героев «нового Шлиссельбурга» были сильно сокращены. Сокращения касались имен репрессированных, которыми оказалось большинство бывших узников Шлиссельбургского центра. Победа этой в борьбе оказалась на стороне Лениздата. Ю. Д. сильно сокрушался, что почти все, что касалось «сталинского людоедства», было из книги удалено.

Марголису было комфортно на родном факультете, потому что рядом были его учителя. Он с огромным уважением относился к С. Б. Окуню и В. В. Мавродину. Наверное, их влияние испытывали не только историки, которые прошли их школу, но и те, кто просто учился на факультете. Об этом пишет Р. Ш. Ганелин в своих воспоминаниях: «С. Б. Окунь обладал ярким природным умом, опытом архивной и публикаторской работы, был компетентным театралом... Среди его многочисленных учеников несколько стали профессорами, сыгравшими вместе с другими большую роль в развитии исторических знаний в Петербурге»¹⁰. При этом Р. Ш. Ганелин называет Ю. Д. «самым блестящим» учеником С. Б. Окуня.

Ю. Д. навсегда усвоит уроки ярчайшего представителя ленинградской школы историков, каким по праву считал своего Учителя, требовавшего от своих учеников ясности взгляда, стройной логики, наличия концепции, основанной на изучении исторических источников и исключаяющей сознательную идеологизацию или тенденциозность. Эти принципы постоянно блюди на знаменитых семинарах Окуня, непременным участником которых был Марголис. По всей вероятности семинар Марголиса, сформировавшийся в 80-х годах, унаследовал какие-то элементы семинара Окуня. И тот и другой семинар посещали историки разных поколений, на них звучали доклады с последующим подробным анализом, бывали приглашенные гости. Но главное, что их роднило — бережное отношение к самой исторической науке. Вот свидетельство «семинаристов» Ю. Д.: «Наш семинар <...> привлекал каждую пятницу в 20.40 не только нас, но и наших гостей, которых мы с законной гордостью приглашали на доклады. И их поражало то, что казалось нам естественным, как дыхание, и чему нас учил наш дорогой учитель: умению видеть каждую малую проблему в едином контексте живого исторического потока, высокой историографической культуре, естественно — пиететному отношению к предшественникам. Марголис посвящал нас в историки, как посвящают в рыцари, подчеркивая моральную сторону ремесла историка, необходимость не навредить обществу, ни единой буквой не солгав. Он сам был для нас эталоном мужества ученого, человеком, обладавшим удивительным чувством внутренней свободы»¹¹.

В 1993 г. Ю. Д. напишет серьезный очерк о С. Б. Окуне¹², где воздаст должное и его лекционному таланту. Приносим свои извинения за пространную цитату, но она воссоздает довольно точную картину истфака той поры, когда там учился Марголис. «Лекции С. Б. Окуня оставляли неизгладимое впечатление... Это обуславливалось обаянием научного и педагогического авторитета творца первого в истории послереволюционной высшей школы курса лекций по XIX веку. И при всем том, что на историческом факультете ЛГУ 1930–1950 г. блистали такие лекторы, как С. И. Ковалев, чеканная речь которого была как бы звучащей гарантией истины, О. А. Вайнштейн, замечательно просто и ясно излагавший то,

что казалось трудным и запутанным; М. А. Гуковский, мощным басом излагавший свои несравненные афоризмы; В. В. Мавродин, живописавший времена седой древности всем богатством русского слова, А. В. Предтеченский, академическая изысканность которого усиливалась чисто артистической внятностью произносимого¹³. Ю. Д. подчеркивал, что даже на этом фоне С. Б. отличался «прирожденным даром захватывать аудиторию и мощно властвовать над нею»¹⁴.

Но, видимо, этим даром владел и сам Ю. Д. Приведем воспоминания В. Б. Крылова, который пришел на рабфак ЛГУ в 1960 г. после срочной службы на флоте. По меркам студентов тех лет, пришел уже не юным, и с четкой ориентацией — получить знания. Он вспоминал: «Юрий Давидович умел общаться с аудиторией, умел найти контакт буквально с первых своих слов... Будучи профессиональным историком (имею в виду широкий спектр знаний, мировоззрение, а не узкую специализацию) и прекрасным психологом, он был интересен слушателям, и потому вызывал у них ответный интерес к предмету, желание думать, самостоятельно добывать знания. А его обаятельная манера общения, уважительное отношение к собеседнику приглашали к индивидуальному диалогу, который, как известно, дает наибольшую отдачу»¹⁵. «Отдача» была такова, что, поступив в ЛГУ, на восточный факультет, и успешно его окончив, В. Б. Крылов стал известным дипломатом. Крылов и Марголис подружились. Они поддерживали друг друга в трудных обстоятельствах и в минуты веселые, когда встречались дома на Невском проспекте, на Староладожском канале в Шлиссельбурге или когда отправлялись в свои охотничьи «одиссеи». Теперь Чрезвычайный и Полномочный посол полного ранга В. Б. Крылов, отработав в разных странах мира и горячих точках, находится на заслуженном отдыхе. В своих воспоминаниях о Ю. Д. он написал: «Мне кажется, раннее осознание, для чего ты живешь, чего ты хочешь добиться в жизни — удел счастливых людей, и Ю. Д. относился к их категории». При этом «находясь в постоянном движении, стремлении осуществить свои планы, он не только для себя сформулирует свое жизненное кредо, но и передаст этот завет своим ученикам: ни дня без строчки, не упустить время, которое дано каждому из нас, чтобы успеть сделать в жизни что-то значительное»¹⁶.

За несколько коротких лет работы на истфаке в должности ассистента кафедры Ю. Д. «не упустил время» и успел сделать много. Приведем лишь некоторые данные из сохранившегося черновика его отчета на Конкурсной комиссии Ученого совета: «...Опубликовано 75,5 листов, подготовлено к печати (завершена стадия редакционной подготовки) еще 8 листов. Сданы две статьи «Историография Февраля» и «Шевченко и Петербургский университет». Закончил плановую работу «Кризис „верхов“...», работа теоретического плана, основные выводы которой доложены на Всесоюзной конференции, посвященной 50-летию свержения царизма. Получила одобрение в печати. Объем учебных поручений, ежегодно выполнявшихся в 1963–1968 учебных годах, в среднем равнялся 1060 часам. 23 дипломанта, не считая восьмерых этого года» и т. д.

Однако жизнь молодого специалиста не исчерпывалась плановой учебной нагрузкой и исследовательской работой. Его общественный темперамент заставлял быть в гуще событий. В вышеупомянутом отчете была обозначена и его общественная работа: «Два года был членом идеологической комиссии парткома ЛГУ, был парторгом кафедры, был парторгом пионерского лагеря ЛГУ, организовал лекторий по истории СССР для абитуриентов, работал на Малом истфаке, в обществе «Знание», ответственный за подготовку праздничных вечеров на факультете». Как можно было все это успеть? Вариантов немного — или делать все вполсилы, или что-то пропускать. Но за это время Ю. Д. получил благодарность ректора, Президиума общества «Знание», три благодарности декана. Он ничего не делал вполсилы. И здесь мы позволим себе небольшое отступление, оно на

первый взгляд не имеет прямого отношения к теме, хотя было частью «общественной нагрузки» Марголиса, но характеризует время, события, которыми он был поглощен, его характер.

Капустники на истфаке стали доброй традицией и были событием не только для университета, но и для города. На представлениях бывали выдающиеся режиссеры Н. П. Акимов и Г. А. Товстоногов, актеры А. Бениаминов и П. Суханов, и многие другие. Острые сатирические тексты капустников быстро расходились на цитаты. В процессе подготовки первого представления судьба свела Ю. Д. с замечательным автором всех текстов Даниилом Натановичем Альшицем, жизнь и личность которого заслуживают самостоятельного исследования. Это человек удивительного достоинства и чести. С тех пор они станут преданными друзьями. В 1996 г., в год смерти Ю. Д., вышел сборник «Восстановление ума по черепу», в котором был опубликован один из капустников. В предисловии Д. Н. вспоминает своего «любимого друга, навсегда от нас ушедшего, но навсегда с нами оставшегося»¹⁷. Недавно ушедший от нас Даниил Натанович — человек в Санкт-Петербурге не просто известный, легендарный: универсант, выпускник 1945 года, фронтовик, доброволец народного ополчения, профессор-историк, писатель, драматург. Его учеба на истфаке была прервана войной, а после войны он был репрессирован, работая в рукописном отделе ГПБ. «Я, как автор текстов, — вспоминает Альшиц, — должен сказать, что этих моих текстов вообще бы не оказалось в природе, если бы не Ю. Д. Именно он был инициатором появления многих сюжетов и всегда был первым читателем написанного»¹⁸. При этом замечает, что «никто другой, кроме Ю. Д. Марголиса, не сумел бы возбуждать у студентов разных поколений, можно сказать, разных эпох — в 1959-м, в 1964-м, в 1974-м и 1984-м годах — такой энтузиазм, который каждый раз требовался для постановки юбилейного капустника истфака»¹⁹. Собственно капустник по замыслу создателей был призван стать, по выражению Д. Н. Альшица, «глотком воздуха, глотком кислорода, который помог бы очистить густо запудренные мозги...». Слишком долгим был период «вечной мерзлоты», одолевший историческую науку. Создатели капустника верили, что смех поможет расстаться с «проклятым прошлым». Г. А. Товстоногов тогда остроумно заметил, что для этого «нужен Всесоюзный капустник!»

В предисловии к библиографическому указателю научных трудов, художественных произведений и публицистики Д. Н. Альшица Ю. Д. назовет его «шестидесятником» и пояснит: «...так именуют свободомыслящих литераторов и общественных деятелей, чьи смелые и заряженные гуманизмом произведения определили «человеческое лицо» 60-х годов нашего века, время хрущевской оттепели»²⁰. Строго говоря, «шестидесятником» можно назвать и самого Ю. Д., если иметь в виду его «заряженную гуманизмом» деятельность и оценивать его судьбу, которая настигнет его, как многих, в финале этой самой оттепели.

Первое десятилетие жизни Ю. Д. Марголиса на факультете было мажорным не только потому, что он почувствовал вкус работы историка-исследователя, с блеском читал лекции и успешно вел спецкурсы. За это десятилетие ему удалось набрать серьезную высоту. Энергичная, стремительная веселая круговерть жизни на истфаке проходила в окружении его друзей и коллег-единомышленников. К студенческому братству, состоявшему из Ю. Тарасова, Ю. Молока, В. Ярмагаева, фронтовиков Ю. Томсинского и М. Пшедецкого, прибавились москвичи, аспиранты профессора П. А. Зайончковского с истфака МГУ — А. Захарова, В. Канатов, Н. Эйдельман, И. Оржиховский. Это произошло спонтанно в силу красивой дружбы С. Б. Окуня и П. А. Зайончковского. Ю. Д. обрастал друзьями подобно планете Сатурн, собирающей на орбиту свои спутники. Это происходило как-то само собой, естественным путем. Двери его дома были всегда открыты, в

доме всегда было многолюдно. Там велись споры, рождались творческие проекты и научные гипотезы, не надо было прибегать к эзопову языку. Казалось, судьба благоволила ему.

Но в 1968 г., когда хрущевская оттепель осталась позади и сменилась более агрессивной идеологией, Ю. Д. Марголис «за потерю политической бдительности», «недонесение» компетентным органам и хранение запрещенной литературы был исключен из партии. И, как следствие, «провален» по конкурсу, уволен из университета, несмотря на успешную и результативную работу на факультете и вне его, всеобщие симпатии и популярность. Эта история достаточно известна, а теперь и документирована²¹. Из сегодняшнего дня многое видится по-другому. Кто из думающих людей не читал в те годы в самиздате А. Солженицына, Л. Гинзбург, А. Чуковскую, Б. Пастернака? Марголис прочел книги югославского ревизиониста Милована Джиласа и американского русиста Ричарда Пайпса, прочел не в спецхране, а получив их из рук своего коллеги Н. Иванова, и не сообщил куда следует. Изматывающими были процедуры самого исключения. Авторитет Ю. Д. его популярность среди преподавателей и студентов не позволяли так легко и единодушно принять решение, рекомендуемое Обкомом КПСС. Поэтому шли непрерывные заседания факультетского партбюро, состоялось три общefaкультетских закрытых партсобраний, два парткома университета, пока, наконец, под нажимом партийных и других органов не было принято ожидаемое решение.

В те времена исключение из партии ученого-гуманитария означало приговор, который закрывал двери в профессию. Марголис держался стойко. Как напишет Р. Ш. Ганелин, «...веселая легкость поведения сочеталась у Ю. Д. с необыкновенной нравственной стойкостью в тех тяжелых испытаниях, которым подвергла его судьба»²². В этих тяжелых испытаниях он сохранял силу духа и человеческое достоинство. Восемь лет ему придется доказывать свое право заниматься наукой и преподаванием и двенадцать лет добиваться возвращения на факультет. Но Ю. Д. Марголис умел видеть горизонт, когда небо было сплошь затянуто черными тучами, понимая, что нужно не только выжить, но бороться за свое любимое дело и свое доброе имя.

«...Вот тебе новая ухмылочка судьбы. Направлен на работу без допуска к преподавательской работе. А меж тем, сижу в лаборатории коммунистического воспитания студенчества и проблема мне порученная — воспитание их образовательной активности», — сообщал Марголис своему другу Варлену Соскину в сибирский Академгородок о новом назначении²³. Он действительно был возвращен в университет, в НИИКСИ (НИИ комплексных социологических исследований) в вышеназванную лабораторию. Он с интересом отнесся к новой для него проблематике, особенно к методикам социологических опросов студентов и пр. Поэтому никогда не воспринимал эту работу как ссылку, тем более не считал таковой работу в Коми крае, где он оказался через четыре года по решению парткома ЛГУ о шефской помощи молодому Сыктывкарскому университету. Ю. Д. понимал, что это будет возвращение в науку, хотя отдавал себе отчет в том, что заниматься придется историей советского периода, от которой он интуитивно всегда дистанцировался. И, конечно, он мечтал вернуться к студенческой аудитории, к студентам, без которых к тому времени провел уже много лет.

Ю. Д. Марголис был назначен заведующим кафедрой истории СССР в Сыктывкарский университет. Конечно, ему приходилось заниматься и «пустыми», плановыми темами, в соответствии с идеологическим заказом времени. Например, советским образом жизни, проблемами социалистического соревнования и пр. Однако через весь сыктывкарский период деятельности Марголиса красной нитью проходят его размышления об оптимизации университетского образования и методах обучения. Его занимал вопрос о том, каждый ли может стать про-

фессиональным историком и что необходимо для подготовки такого специалиста. Эти размышления Ю. Д. представил в разное время в своих газетных интервью²⁴. Он определял качества, которыми должен обладать человек, выбравший служение истории как профессию. Это «ассоциативное мышление, особая память, лингвистическая одаренность и здоровье, которое потребуется для сидения в пыльных архивах». Но это не все. По выражению Ю. Д., в стенах университета студент не должен все время ощущать себя учеником, условно говоря, 12–15 класса, ему нужно дать возможность пробовать себя в профессиональной, самостоятельной работе. Многим сейчас известен афоризм Ю. Д. «Студент должен не глину месить, а Шартрский собор строить»²⁵. На его кафедре в Сыктывкаре был опробован проблемный семинар, итогом деятельности которого стали 12 дипломных сочинений по истории Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, которые легли в основу книги «Гигант на Вычегде».

Заметим, что, где бы ни работал Ю. Д., он даже в короткий срок успевал осуществить серьезные дела, оставляя по себе добрую память. Профессор Е. Р. Ольховский, посетивший Сыктывкарский университет в период, когда Марголис уже был возвращен в Ленинград, вспоминал: «Хотя формально он в Сыктывкаре уже давно не работал, но о нем здесь все время помнили, и его искренне любили, чтили в его лице настоящую науку, традиции ленинградской исторической школы. А, кроме того, как мне показалось, относились к нему как к некоему мерилу нравственности, совести, справедливости»²⁶. Сказанное может подтвердить и автор этих строк. Когда в Сыктывкаре проходила научная конференция к 70-летию со дня рождения Ю. Д., коллеги и ученики вспоминали его так, будто он только вчера их покинул. А ведь к тому времени прошло 20 лет, как он уехал из Сыктывкара, и четыре с половиной года, как ушел в мир иной. Правда, Ю. Д. не прерывал связь с СГУ и истфаком никогда, помогал советом тем, кто в нем нуждался, до последних лет ездил туда ежегодно, работая весной председателем ГЭК, читая лекции для учителей не только в Сыктывкаре, но, например, в Инте.

Когда в 1980 г. Марголис вернулся в Ленинград, ему не потребовалась адаптация. Как-то академик А. А. Соболев сказал, что ученый — не тот, кто занимается наукой, а тот, кто не может ею не заниматься. Жадный до дела, до творчества, Ю. Д. стремился наверстать ушедшее время. Это были годы интенсивного, непрекращающегося даже на летние отпускные месяцы труда. В его планы возвратились написание и защита докторской диссертации. Естественно, в плотном потоке дел в СГУ он не только не мог работать над текстом диссертации, что казалось возможным и желательным при отъезде в Сыктывкар, но и не определился с выбором темы. Не без колебаний он принял решение возвратиться к Т. Г. Шевченко. Он был готов к этой работе. В его активе были исследования связей Шевченко с передовыми умами России. Это фундаментальные статьи и доклады, с которыми он выступал на всевозможных конференциях²⁷. Вышли две монографии²⁸. По сути, анализируя взаимодействие Кобзаря с историками и неисториками на уровне идей и конкретных произведений, он писал о русско-украинских культурно-исторических взаимоотношениях, а они применительно к XIX веку представлялись совсем не простыми. На сей раз он выбрал для своих исследований новую плоскость — Т. Г. Шевченко и русская демократическая историография второй половины XIX века. «...Поворот в историографию мне не только близок, но кажется перспективным, да и целины там пласты и залежи», — писал он П. А. Зайончковскому, с которым поддерживал дружеские отношения до конца его дней²⁹. Этот поворот темы свидетельствовал о новом уровне осмысления творчества и идейного наследия Т. Г. Шевченко и новом жанре исследования (историографического и источниковедческого), в котором Ю. Д. удалось найти себя.

В отзыве на докторскую диссертацию Марголиса патриарх исторического факультета В. В. Мавродин писал, что его исследования решают «крупную проблему, актуальную в научном и политическом отношении». Особенно он отметил воссоздание в диссертации одной из ярких, до сего времени оставшихся не прочитанными страниц единения демократических культур русского и украинского народов против буржуазно-националистических извращений истории России и Украины. В 1991 г. вышла монография Ю. Д., завершающая его шевченкиану³⁰. Сегодня на фоне сложных взаимоотношений Украины и России эти страницы нашего прошлого, как кажется, были бы поучительными как для одной, так и для другой стороны.

Исследование деятельности и личности великого Кобзаря — лишь одно из направлений творчества Ю. Д. Марголиса. Анализировать все направления его научных исследований должны специалисты. Отметим только, что три работы, оставшиеся на его письменном столе и включенные в мемориальный сборник (статья об А. Л. Шапиро, незавершенная статья «Уроки А. С. Лаппо-Данилевского», материалы к книге «Мой друг Тарасов»), свидетельствуют о некоторых итоговых размышлениях ученого и новом уровне его исторического мышления. В своем тонком и очень точном анализе В. Г. Чернуха отметила, что, умудренный житейским опытом и историческим знанием, Ю. Д. размышляет «о судьбе истории и историков, торивших путь знания, судьбе его поколения, задачах истории, историографии, философия истории»³¹. За год до смерти он сдал в издательство СПбГУ две монографии: «Книга Н. В. Гоголя „Выбранные места из переписки с друзьями“: основные вехи истории восприятия» и «„Единым вдохновением“. Очерки по истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в.». Книги не успели выйти при его жизни. Ближайшее окружение Ю. Д. знало его привычку, обусловленную «многогранностью» работы, сдавать, если подгоняли сроки, полуфабрикат и доводить его до совершенства в процессе редакторской правки. Этого в данной ситуации не случилось. Благодаря его бывшим аспиранткам Т. Н. Жуковской и О. Н. Ансберг, которые закончили эту работу, а также профессору Г. А. Тишкину, соавтору Марголиса, эти книги увидели свет. Наверное, они были бы другими, если бы выходили при жизни автора, но история, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Ю. Д. Марголис много успел за свою короткую жизнь, а жизнь его в науке была на двенадцать лет короче, чем могла бы быть. Мешала ли ему «раздвоенность между преподаванием и исследовательской работой»³²? Думается, что сам Ю. Д. этой раздвоенности не ощущал. Для него было естественным начинать свой рабочий день в 6 часов утра и до ухода на занятия успеть что-то обдумать, что-то написать, пополнить свои лекции новым материалом. Не может стать Учителем человек, который не отличается глубинным знанием всего предмета, он обязательно должен быть не просто ученым, а вполне компетентным ученым, обладающим современным научным кругозором.

Он любил своих учеников, он был страстен по отношению к ним. Он прожил их ошибки, как свои собственные, и они это знали, чувствовали. Он никогда не был с ними формален. Они знали, что они — часть его жизни. Он умел перевести общение из области необходимых эмоциональных отношений в область свершений, в область требуемых результатов. Каждая защита была его маленькой победой. При этом, как вспоминала безвременно ушедшая Наташа Дьяконова, Ю. Д. настаивал на том, что после защиты кандидатской нужно повысить планку и взять новую высоту: «Должна работать инерция успеха первой диссертации»³³. Наташа взяла эту высоту, стала доктором наук, заведовала кафедрой в Якутском университете. Однако рассказывать о семинаре должны сами его участники. Доцент Т. Н. Жуковская: «Профессор последовательно формировал доб-

рожелательную, дружескую и по-настоящему академическую среду в семинаре... Правилom было присутствие всех членов семинара на защитах (дипломных, кандидатских) друг у друга, это формировало ощущение общности. Не случайно более 10 лет семинар продолжает «автономно» существовать после смерти профессора, мы и до сих пор встречаемся, участвуя в общих проектах, помогая друг другу, став на всю жизнь близкими людьми»³⁴.

Приведем несколько высказываний из необычного «Опыта коллективного мемуара», который оставили его ученики Н. Веденяпина, А. Гоз, Т. Жуковская, Е. Малышева: «...Учительство как свойство личности, врожденный такт в общении с младшими, незаметное, постепенное, посильное восхождение вместе с нами к новым задачам и в то же время требовательность, независимо от того, кто выступает в роли ученика, — эти качества Марголиса-руководителя отвечали его собственному пониманию миссии вузовского профессора... „Я учусь у своих учеников“, — сказал он как-то за дружеским столом после закрытия годового семинара... Ему, в сущности, принадлежала функция лидера некоего духовного сообщества, объединяющего несколько поколений слушателей семинара»³⁵.

Он был прекрасным научным руководителем: «Методику работы с документами, видение задач и перспектив исследования — как руку музыканта — ставил четко». С ним было легко говорить на любую тему: «Ирония демократична. Она облегчает взаимопонимание и помогает коснуться главного и сокровенного, не оставляя меж собеседниками натяжек и недоговоренностей. Марголис шутил всегда. Он в совершенстве владел искусством несерьезного разговора о серьезном, так, что сказанное запоминалось»³⁶.

Ученики Ю. Д. сформировались людьми благодарными, готовыми к серьезному размышлению о том, какую роль сыграл он в их научном выборе и росте: «Когда воздействие чьей-то личности на человека слишком велико, то он испытывает определенную потребность рассказывать или писать о том, чей образ ведет его по жизни... Речь идет о механизмах «переплавки» таких неуловимых ферментов учебного процесса, как любовь и верность учеников в результаты творчества. С нами, большинством из нас, происходила эта метаморфоза... И тогда мы, осознанно или нет, вплавляли в тексты своих дипломов и диссертаций не только азарт, молодое честолюбие, любовь к теме, но (и это хочется особо подчеркнуть) отношение к своему учителю»³⁷. Но при этом «счастье учительства его было не таким, какого он заслуживал. Он не успел увидеть научного триумфа своих учеников»³⁸.

Ю. Д. Марголис, обучая семинаристов методам работы с документами, составлению библиографии, умению в основу исследования помещать источники, был «воспитателем научности и нравственности». Он не жалел для них своего времени, и они это ценили. Семинар жил своей жизнью, традиционно отмечая окончание семинарского года, день рождения учителя. В архиве семинара осталось огромное количество замечательных стихов, ироничных и серьезных, которые семинаристы адресовали учителю. Есть и стихи Ю. Д., посвященные «всей семинарской дружине» и отдельным ребятам. Бывали и капустники, несомненно, восходящие к традиционным истфакийским юбилеям. Естественно, в начале 1990-х г. они не имели прежней злободневности, на дворе было уже другое время.

Среди внешних примет связи времен и поколений очевиден главный результат — успехи его учеников. Многие из них стали продолжателями ленинградской-петербургской научной школы историков. Среди тех, кто прошел школу семинара Марголиса (по далеко не полным данным), ныне 20 кандидатов и 7 докторов исторических наук. Четверо преподают в родном университете, трое из них — на историческом факультете. Хотя сам Ю. Д., всячески помогая своим питомцам, был лишен возможности «пристроить» их на кафедре.

Если перейти на язык статистики, то продуктивность работы многих впечатляет. Лидирует С. А. Фирсов, ныне профессор философского факультета, автор более 300 научных работ, восьми монографий. Профессор кафедры славянских и балканских стран Т. Г. Таирова-Яковлева — специалист по истории Украины XVII–XVIII вв., автор семи монографий. За книгу «Мазепа», вышедшую в серии ЖЗЛ, удостоена украинского ордена св. княгини Ольги III степени. Н. Г. Патрушева, известный специалист по истории цензуры XIX в., истории книги и книжной культуры, автор более 50 научных трудов, сотрудник РНБ. Доктор исторических наук, доцент истфака СПбГУ О. Б. Вахромеева со студенческих времен занимается историей женского образования, Бестужевских курсов, а также историей женского труда и предпринимательства в XIX веке. К 130-летию юбилею Бестужевских курсов она опубликовала уникальную базу данных слушательниц всех 34 выпусков этого замечательного учебного заведения. Доцент Т. Н. Жуковская — автор более 100 публикаций, специалист по эпохе Александра I и истории Петербургского университета. За подготовку сборника воспоминаний университетов военных лет «Мы знаем, что значит война...» удостоена университетской премии имени Натальи Кузнецовой. Ею разобран и описан научный архив Марголиса³⁹. П. В. Ильин — кандидат исторических наук, крупнейший специалист по истории декабристов. Большой резонанс вызвала книга «14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев», подготовленная и прокомментированная Надеждой Веденяпиной, Александром Кононовым, Павлом Ильиным — все они участники семинара Ю. Д. П. В. Ильин стал составителем и редактором многотомника «14 декабря. Источники. Исследования. Историография. Библиография» (т. т. 1-7), издателем декабристских текстов, автором нескольких монографий о декабристах. Александр Кононов — кандидат наук, сотрудник РНБ, активный участник движения в защиту города, зам. председателя ВООПиК. Елена Мальшева, активист градозащитного движения «Охтенская дуга», Михаил Асварищ, сотрудник Русского музея, Надежда Веденяпина, главный библиограф РНБ, Александр Гоз, Ольга Баранова, Алена Журавлева... Да простят меня те ребята, чьи имена из-за ограниченного объема статьи я не имею возможности назвать, но все они давно стали для меня близкими и родными людьми. Теперь уже более пятнадцати лет мы вместе. Когда мы собираемся, я ощущаю незримое присутствие Ю. Д. среди нас. Я благодарна им за поддержку в самые трудные для меня дни, за память и верность своему Учителю. Уверена, что девиз Марголиса «Жизнь продолжается!» обрел новый смысл. Его жизнь продолжается в его учениках. Он бы гордился ими, радовался их успехам и выше поднимал планку уже взятой ими высоты.

¹ Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб., 2000. С. 797.

² Чернуха В. Г. Юрий Давидович Марголис: знакомый и незнакомый // История глазами историков. Межвузовский сборник науч. трудов, посв. 70-летию доктора исторических наук Е. Р. Ольховского. СПб.–Пушкин, 2002. С. 344–345.

³ Чернуха В. Г. Юрий Давидович Марголис: знакомый и незнакомый... С. 343.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., 1983. С. 4.

⁷ Марголис Ю. Д. Патриотизм Т. Г. Шевченко // Патриотические традиции русской культуры. СПб., 1993. С. 116.

⁸ Ежов В. А. Увлеченность — свойство характера // Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 402.

⁹ Там же. С. 170.

¹⁰ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х-1970-х годах. СПб., 2006. С. 101.

- ¹¹ Память об учителе // Санкт-Петербургский университет. 1996. № 8 (3413). 27 марта. С. 30.
- ¹² Марголис Ю. Д. Семен Бенцианович Окунь. Жизнь историка, рассказанная его книгами, документами и свидетельствами современников. СПб., 1993.
- ¹³ Там же. С. 60–61.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Крылов В. Б. Наши «одиссеи» // Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 423.
- ¹⁶ Там же. С. 424
- ¹⁷ Аль Д. Восстановление ума по черепу. СПб., 1996. С. 23.
- ¹⁸ Там же. С. 24.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Ученый, писатель, гражданин // Даниил Натанович Альшиц (Д. Аль) Библиографический указатель научных трудов, художественных произведений и публицистики. СПб., 1994. С. 6.
- ²¹ См.: Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 161–175.
- ²² Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой... С. 343.
- ²³ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 190.
- ²⁴ Марголис Ю. Д. 1) Учиться творчески // Красное знамя. 1977. 29 мая; 2) Иди со мной! // Молодежь Севера. 1978. 14 апреля; 3) Прощаясь с высшей школой зубрежки // Смена. 1989. 1 сентября.
- ²⁵ Марголис Ю. Д. Прощаясь с высшей школой зубрежки...
- ²⁶ Ольховский Е. Р. Дорогие мои Марголисы // Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 441.
- ²⁷ См.: Юрий Давидович Марголис // Библиографический указатель трудов. СПб., 1995.
- ²⁸ Марголис Ю. Д. Исторические взгляды Т. Г. Шевченка. Л., 1960. Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко и Петербургский университет. Л., 1983.
- ²⁹ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 274.
- ³⁰ Марголис Ю. Д. Т. Г. Шевченко и русские историки демократы» Л., 1991.
- ³¹ Чернуха В. Г. Юрий Давидович Марголис: знакомый и незнакомый... С. 349.
- ³² Там же. С. 351.
- ³³ Дьяконова Н. Н. Вспоминая учителя // Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 478.
- ³⁴ Жуковская Т. Н. Главная тема // Вахромеева О. Б. Бестужевка в цифрах: к 130-летию юбилею Санкт-Петербургских Высших женских курсов (1878-1918) СПб., 2008. С. 6.
- ³⁵ Опыт коллективного мемуара // Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 485, 488.
- ³⁶ Там же. С. 487–488.
- ³⁷ Там же. С. 480.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ См. ее публикацию «Наследие Ю. Д. Марголиса...» в настоящем издании.

С. А. Фирсов, А. А. Гоз

Слово о хорошем человеке, или неюбилейные заметки о профессоре Ю. Д. Марголисе¹

Однажды С. Ю. Витте, рассуждая о вечной проблеме «что есть человек», заявил: для определения человека «надо писать роман его жизни, а потому всякое определение человека — это только штрихи, в отдаленной степени определяющие его фигуру». Полностью разделяя мнение графа, добавим, что понять другого вряд ли возможно, не разобравшись в себе самом. А многие ли имеют смелость утверждать, что разобрались в своих чувствах, переживаниях, поступках?

Человек всегда субъективен, его стремление к объективности — не более чем стремление (ведь даже Бог — не объективен, а, в отличие от нас, смертных, сверхсубъективен). Следовательно, желая понять другого, мы должны твердо и честно перед самими собой признаться в том, что поставленная задача исполнима

лишь отчасти, что, решая ее, мы переносим собственные идеалы добра и справедливости (равно как и собственные представления о зле и несправедливости) на личность, которую пытаемся понять. Собственно говоря, пытаюсь понять другого, мы лучше узнаем себя, исподволь пишем и свой «роман жизни». Важно никогда не забывать этого обстоятельства, помня о старой как мир истине: добро не рождается от зла, оно от добра рождается.

Стремясь лучше узнать человека, родившегося и выросшего в другую эпоху, вполне или невольно начинаешь искать нечто объединяющее тебя с ним, или, лучше сказать, то, что кажется главным в интересующем тебя герое. Как это главное определить, в каких словах? Ведь такое слово необходимо мотивировать, а можно ли мотивировать чувство, выявленное, проявленное лишь в слове? И нужно ли? Ответ прост: мотивация чувства невозможна, но выявление субъективной позиции пишущего не так уж неприемлемо. Героя можно любить, а можно ненавидеть, но рассказ о нем, хочет того автор или нет, все равно провоцирует его (автора) на открытое заявление симпатии или антипатии. В противном случае стремление к мифической «объективности» приведет в тупик никому не нужного «честного» морализаторства и к банальностям на тему «что такое хорошо и что такое плохо», с использованием социально-психологических лекал ближайшего к автору дня.

Все сказанное выше имеет целью предварить «неконцептуальное» и весьма краткое слово о человеке, которого авторы этих строк, безусловно, считали и считают человеком хорошим, вкладывая в это слово все свое уважение к нему и искренне почитая его память. Слово «хороший» — неопределенно широко. Именно поэтому, как нам кажется, оно и применимо к Юрию Давидовичу Марголису, замечательному человеку и тонкому историку России, великолепному лектору и преданному другу, «человеку своего времени», в некотором смысле «шестидесятнику». «Добрый или путный, ладный, способный, добротный, дорогой, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству» — это все о «хорошем» по В. И. Далю. Это все — о Марголисе. Прилагательное «хороший» тем и замечательно, что принципиально неопределимо, т. е. не поддается разбору на составные части. «Хороший» всегда радуется, помогает, поддерживает. «Хороший» всегда морально сильный, благородный, справедливый. Все это — разве не рецепт счастья (если под счастьем понимать нужность людям, востребованность)? Можно ли утверждать, что обладатель всех перечисленных качеств (а в глазах многих сотен, если не тысяч человек Марголис, несомненно, обладал ими) — был счастлив?

В этом смысле, мы убеждены, — безусловно.

У Бориса Слуцкого в стихотворении «Такая эпоха» есть строчки:

Надо ждать двадцать первого века
Или даже дальнейших веков,
Чтоб счастливому человеку
Посмотреть в глаза без очков.

А если представить картину несколько иначе: если, вглядываясь «без очков» в глаза человеку, ты сам становишься счастливым? В данном случае — ждать ли дальнейших веков, дожив до века двадцать первого? Кто знает...

Мы знаем. Как написал школьник из легендарного фильма «Доживем до понедельника», счастье — это когда тебя понимают. Понимание делает счастье обоюдным, иначе быть не может. Но может ли быть счастье долгим? Может ли радость понимания быть длительной радостью и для тебя, и для того, кто дает тебе эту радость почувствовать? Критерий есть. Этот критерий — опыт. Юрий

Давидович Марголис умер в феврале 1996 года, но о счастье общения с ним люди говорят и сегодня, как будто расстались с ним буквально пять минут назад, а ближайшая встреча — совсем скоро. Говорят разные люди — его ровесники и коллеги, его бывшие студенты и аспиранты. Отчего это? Может быть оттого, что Марголис — исключителен?

Да, он был исключительным человеком. Конечно, и ярким историком, и природным педагогом, но все это — дополнение. Прежде — натура. Жизнелюбие и жизнепонимание, умение жить и не бояться жизни. Лимит оптимизма и гуманизма, столь свойственный нашему времени, сделал Марголиса для многих символом всего того, что ассоциируется с верой человека в человека, с надеждой на конечную победу добра и справедливости. Не все могут платить добром за добро — это банально и естественно, но ведь многие не знают, как им реагировать на жизнь, если она оказывается к ним жестока и несправедлива. Вера в Бога, конечно же, сильная поддержка, но как быть «с миром»? Что делать с ним? Не все, прошедшие испытания «мира», могут поделиться опытом жизнелюбия, а он, Марголис, сам пострадавший в 1968 году «за утрату политической бдительности» (проще говоря, «не донес») — мог.

И остался таким, каким был и раньше, — хорошим человеком.

Все это было, было.
Все это нас палило.
Все это лило, било,
Вздергивало и мотало,
И отнимало силы,
И волокно в могилу,
И втаскивало на пьедесталы,
А потом низвергало,
А потом — забывало,
А потом — вызывало
На поиски разных истин,
Чтоб начисто заблудиться,
В жидких кустах амбиций,
В дикой грязи пристраций,
Ассоциаций, концепций
И — просто среди эмоций.
Но мы научились драться
И научились греться
У спрятавшегося солнца
И до земли добираться
Без лоцманов, без лоций,
Но главное — не повторяться.

Ю. Д. любил раннего Бродского. Пафос и смысл процитированных «Стихов о принятии мира», как нам кажется, был созвучен его собственным жизненным коллизиям. Он не повторялся в жизни, единственное, чему он никогда не изменял, всегда «повторяясь», это вере в людей, в наивной, трогательной человечности, готовности помогать ближнему и умении безо всякой аффектации, действительно по-христиански, прощать людей, сделавших ему больно.

Об этом можно судить хотя бы по воспоминаниям о нем, которые помещены в книгу, вышедшую в год 70-летия ученого. Книга эта по-своему уникальна². Это не только воспоминания друзей, коллег, учеников, но также потрясающая подборка писем и документов, имеющих прямое отношение к Ю. Д. Марголису. Эти

письма — не только характеристика жизни и судьбы Ю. Д., но и ценнейший источник по истории нашего прошлого — от Великой Отечественной войны до середины 1990-х годов!

«Изломы истории стали изломами судьбы» — старая, избитая мысль. Но когда ты понимаешь, как изломы сказываются на жизни конкретного человека, когда ты год за годом, эпоха за эпохой можешь следить за этой жизнью, складывается впечатление удивительного, масштабного «изложения истории», ее «самого последнего куска», — на частном примере.

Эпистолярный жанр ныне умирает. Мы разучились писать друг другу, откликаясь строкой на происходящее с ближним. Как правило, даже те редкие письма, которые мы получаем, по прочтении оказываются выброшенными. Что делать! Прошлое очень часто воспринимается нами как пожелтевший лист, сорванный осенью. Его судьба решена, и она незавидна. В воскрешение прошлого мы не верим. А ведь письма, именно письма, думается, и есть возможность вспомнить минувшее, прокрутить «пленку жизни» назад, оказаться один на один с сиюминутными радостями и огорчениями канувших в лету дней.

...Мы все — люди своего времени и мыслим штампами своей эпохи. Сталинское время для нас — сугубая несвобода, вынужденная ложь, необходимая для того, чтобы выжить. Можно ли было сохранить искренность в тех условиях, можно ли было откровенно писать то, о чем на самом деле думаешь, не боясь последствий? Вопрос, разумеется, риторический. Не все и не все могли писать откровенно. Но это вовсе не означает, что любое слово, произнесенное тогда, было лживо, что «слово» автоматически вело к «делу». Жизнь богаче схемы, ведь люди живут не в «измах» (тоталитаризмах, развитых социализмах, недоразвитых капитализмах), а в мире идей и представлений — о Чести, Добре и Любви.

Вот эту простую истину ясно понимаешь, читая письма, обращенные Юрием Давидовичем к своим родителям, жене, сыну, друзьям, коллегам и ученикам; и ответные письма этих людей. В этих письмах нет фальши, они искренни и чисты. С их помощью можно изучать, как жил и (даже!) как думал молодой ленинградский интеллигент-гуманитарий.

Становление личности — сложный процесс, начало которому — детство. Считается, что именно в детстве складывается характер человека, он научается понимать, что такое добро и зло. В последующие годы происходит только развитие вкорененных идей и представлений. Все это ясно осознается, когда читаешь письма молодого Марголиса. Он действительно рос искренним и горячим сторонником социалистической Родины, но эта искренность и ныне не воспринимается как некая «ошибка», показатель «тоталитарного мышления».

Действительно, может ли быть свободен человек, волею обстоятельств родившийся и сформировавшийся в несвободной стране, где господствовали правила зоны? Не будем спешить с очевидным, казалось бы, ответом. История не линейна и даже не всегда идет по спирали. Бывает и «ход по кругу», тогда кто определит, где минус, а где плюс? И переходит ли один знак в другой?..

Марголис всю свою сознательную жизнь занимался изучением проблем общественной и политической истории XIX — начала XX в., следовательно, и вопросом революционизирования России. Для него чем дальше, тем больше вопрос о политических итогах, с которыми страна подошла к 1917 году, а затем большевизировалась (сталинизировалась), становился вопросом, ответ на который позволял лучше понять и собственную жизнь в эпоху лозунгового построения светлого завтра и углубления платоновского котлована. Одно зло (прошлого) породило зло другое (сталинское) и не случайно вопрос, «почему коммунистическая революция не может закончиться демократией», на закате дней исключительно интересовал и волновал Юрия Давидовича.

Итак, «тоталитаризм» не воспитал у Марголиса «тоталитарного мышления», не привил ему способности к безоглядной вере в авторитеты. Вера в идею, безусловно, у него была — родители, «рожденные революцией», и не могли по-иному его воспитать. Но вера в носителей идей, очевидно, подкачала, чему способствовало и полученное историческое образование, и университетское окружение, и семья, глава которой в сентябре 1952 года был арестован прямо на работе и осужден как враг народа. Революция в своей основе — это всегда свобода, разрушение старых правил и традиций. Революция — это всегда жизнь, молодость, энергия. Думается, нечто подобное и понимал Ю. Д. под формулой «революционное обновление» (а жизненный опыт позволил ему познать истинность и другой фразы — о пожирании революцией своих детей). Именно поэтому мы вправе говорить о внутренней свободе таких людей, как Марголис, — выросших в Стране Советов и никогда не бывавших за ее пределами³. Он любил свою Родину, будучи (и это поистине удивительно) всегда искренен: в 1950-е годы, правда, не так, как в 1960-е, в 1970-е — по-другому, нежели в 1980-е и 1990-е.

О чем это говорит? О чем угодно, только не о лицемерии, не о стремлении «отклоняться от генеральной линии партии вместе с партией!» Он менялся вместе со страной, оставаясь неизменно честным — и перед собой, и перед людьми. Сегодня это доказывают его письма. Он был наивен? В чем-то, да. Он был доверчив? Безусловно. Он лицемерил? Думаем, нет...

Один из известных российских писателей, вызывающий серьезные споры своим творчеством, Виктор Ерофеев, в своем не так давно опубликованном рассказе заявил о том, что в России совесть есть, и это хорошая новость. Но совесть спит непробудным сном, и ей что-то снится. «Продолжение следует. Да и что такое Россия, как не сны совести?» Не хочется спорить, может, оно и так. Но если не обобщать, то не все кажется столь грустным. Не у всех спит (спала) совесть. И самое приятное заключается в том, что нет надобности это доказывать. Иногда один частный пример дает больше, чем масса обобщений. Нам почему-то кажется, что те, у кого спит совесть, никогда ее не разбудят. Дело не только в оценке «политического» лица человека, с нашей сегодняшней колокольни глядя, но и в оценке лица нравственного. А оно либо есть, либо отсутствует. Третьего не дано. К тому же «времена не выбирают». И Марголис их не выбирал. Он в них жил, принося людям радость. Жить с улыбкой невероятно тяжело, особенно, если эту жизнь ощущаешь и оцениваешь не только в настоящем, но и в исторической перспективе. А он жил, — «казалось, что ему не может быть грустно», как сказал о нем Р. Ш. Ганелин, тонкий и наблюдательный человек, прекрасно понимавший дар Ю. Д. органично соединять и сохранять в течение всей жизни веселую легкость поведения, необыкновенную нравственную стойкость, доброту и порядочность.

Не случайно именно с Марголисом связано возникновение такого явления, как «капустник» исторического факультета Ленинградского университета. Именно он сумел привлечь к написанию сценария историка и драматурга Д. Аля (Даниила Натановича Альшица, впоследствии доктора исторических наук, профессора С.-Петербургского университета культуры и искусства). В 1996 г. вышла его книга «Восстановление ума по черепу», в которой и воспроизведен сценарий одного из знаменитых «капустников». В авторском предисловии Даниил Натанович пишет: «Никто другой, кроме Юрия Давидовича Марголиса, не сумел бы возбуждать у студентов разных поколений, можно сказать — разных эпох — в 1959-м, в 1964-м, в 1974-м и в 1984-м годах такой энтузиазм, который каждый раз требовался для постановки юбилейного «Капустника истфака». В нем сочетались «ясный ум, глубокие знания и неисчерпаемое чувство юмора... с удивительными свойствами души. Не было ни такого дня, ни такого часа, когда бы

Ю. Д. кому-нибудь не помогал или не обдумывал какое-либо доброе дело. Его любили все. Выражение „Встретишь Юру — будто солнце из-за туч выглянуло“, — могло бы принадлежать сотням людей»⁴.

Успех первого представления, посвященного 25-летию истфака, оказался неожиданно впечатляющим. Среди зрителей тогда можно было увидеть столь известных театральных деятелей, как, Г. А. Товстоногов и Н. П. Акимов. Энергия истфаковского капустника выплеснулась за стены лектории. Представления по его тексту в последующие годы проходили на истфаках в Одессе, Новосибирске, Сыктывкаре, Ростове-на-Дону, Киеве...⁵

Сегодня трудно представить, что истфак Ленинградского университета был не только научным центром, но и подлинным центром творческой жизни студенческого Ленинграда. При этом совершенно понятно, почему именно Ю. Д. Марголис являлся одним из инициаторов и организаторов «творческой жизни». Человек огромного обаяния, обладавший замечательным чувством юмора, неистощимый на выдумки и розыгрыши, он без преувеличения притягивал к себе людей, умел их организовать и увлечь, никогда не стремясь занимать «командные» посты и играть главные роли.

* * *

...А все начиналось, как у всех, в детстве. Ю. Д. Марголис родился 7 октября 1930 года в семье «интеллигентов первого поколения». Его родители «встретились на рабфаке»⁶. Мама, Варвара Ивановна Герасимова, узнав «настоящую грамоту» (как выражался Ю. Д.) в девятнадцать лет, десять лет спустя, 23 июня 1941 года защитила кандидатскую диссертацию, написанную под руководством академика Б. Д. Грекова. В материалах к автобиографии Ю. Д. писал: «Своим авторитетом мама открыла мне путь к серьезным занятиям наукой»⁷.

Отец, Давид Александрович Марголис, юношей прошедший гражданскую войну (родился в 1904 г.), в 1932 г. стал проректором Финансово-экономического института. А в тридцать лет написал и издал учебник «Финансы капиталистических государств», который пользовался большой популярностью у нескольких поколений студентов. Великую Отечественную Давид Александрович прошел от первого до последнего дня, — начинал ее в Ленинградском Народном ополчении, а закончил в Берлине подполковником действующей армии. В течение войны Давид Александрович почти ни на один день не прерывал переписку с женой и сыном, поддерживая его в делах жизненных и учебных. Много лет спустя Ю. Д. вспоминал, что письма отца в значительной степени повлияли на формирование его характера⁸. Поразительный факт: за 4 года войны Давид Александрович написал родным более полутора тысяч писем! Практически каждый день, в любой обстановке, он писал жене и сыну с фронта.

Во время войны Ю. Д. жил в эвакуации, в селе Ивановка Богатовского района Куйбышевской области, у бабушки по материнской линии — Марии Борисовны Герасимовой. Именно тогда, впервые соприкоснувшись с «людьми земли», он и полюбил русский язык, на всю жизнь получив «русскость восприятия жизни, людей, идей». Показательно, что в эвакуации маленький Юра организовал ровесников для оказания тимуровской помощи нуждающимся.

В 1944 году он вместе с матерью вернулся в Ленинград и продолжил обучение в средней школе № 222 (бывшей Петершуле), славившейся своими традициями, которую и окончил в 1947 году⁹. В школе Ю. Д. показал себя человеком инициативным и думающим: в обстановке всеобщей подозрительности сталинской эпохи, он предложил издавать журнал «Футурум». Инициатива наказана не была, но первый номер «Футурума» оказался и единственным: рукописное творчество десятиклассников дирекция пресекла. Правда, Ю. Д., поступив осенью того же 1947 г. на первый курс исторического факультета, попытался возродить школьный жур-

нал. Однако и на этот раз, уже «благодаря» бдительности ректората и парткома, творческие планы начинающего историка и его друзей не реализовались¹⁰.

Понимал ли тогда молодой Марголис, что и как стоит публично обсуждать, а что обсуждать не стоит? Понимал ли он, что в Советской стране не приветствуется проявление «несанкционированной» творческой инициативы? Сегодня судить об этом трудно. Но известно иное: старшие товарищи по факультету, прошедшие фронт, всячески оберегали своего пылкого сокурсника от обсуждения «скользких тем» («они не допускали меня к серьезным разговорам, выгоняли меня, — вспоминал много лет спустя Ю. Д. — Теперь я знаю, что они меня берегли, а тогда я обижался и ревновал»¹¹).

...Сегодня почти не осталось тех, с кем в течение пяти лет Ю. Д. сидел на одной университетской скамье. И все же «клички воспоминаний» об этом времени в нашем распоряжении есть. Вдова профессора Юрия Ивановича Тарасова, в послевоенное время самого, пожалуй, близкого друга Ю. Д.¹², припомнила характерную деталь: «Лекции профессоров они (Тарасов и Марголис. — С. Ф., А. Г.) почти не записывали, но слушали внимательно». Нередко по вечерам обсуждали прослушанное¹³. Действительно, Ю. Д. всегда был внимательным слушателем, умея буквально «на лету» схватывать материал.

Тем не менее по прошествии десятилетий Ю. Д. с сожалением констатировал, что много упустил, не имея привычки скрупулезно записывать лекции своих профессоров, а ведь тогда было у кого учиться! В студенческие годы Марголиса на историческом факультете преподавали такие корифеи русской истории, как С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. В. Предтеченский, Д. С. Лихачев, С. Б. Окунь, В. В. Мавродин. Это были люди, принадлежавшие к разным поколениям, но объединенные одним общим делом — бескорыстным и самоотверженным служением науке. Блестящие ученые, они в то же самое время считали своим долгом уделять внимание воспитанию молодых историков, не ограничиваясь только чтением лекционных курсов «по плану». Профессора старались расширять общий исторический кругозор студентов, предлагая им порой неожиданные темы. К примеру, интерес Ю. Д. к личности великого украинского поэта Т. Г. Шевченко возник после того, как декан истфака В. В. Мавродин (у которого, кстати сказать, Марголис занимался изучением артиллерии XVIII века) подарил ему томик Кобзаря. Судьба сложилась так, что шевченковедение стало главной темой творчества Марголиса: этой теме были посвящены его выпускной диплом, а также кандидатская и докторская диссертации.

Другим профессором, оказавшим серьезное влияние на становление Марголиса-историка, был С. Б. Окунь — его любимый учитель. Так получилось, что дипломное сочинение Ю. Д. писал не у него и не у В. В. Мавродина. Научного руководителя ему навязали: «сверху» пришло распоряжение обеспечить дипломами доцента Степанищева, имевшего печальную славу осведомителя «компетентных органов». Зато с оппонентом Марголису повезло: им стал А. В. Предтеченский, давший высокую оценку труду молодого ученого. С этого, собственно, и началась профессиональная жизнь Ю. Д., вскоре вынужденно прерванная обязательной тогда работой «по распределению». А потеря лояльности в глазах власти в связи с арестом отца должна была окончательно разрушить мечты об аспирантуре. В аспирантуру Ю. Д. был принят только в 1958 г., в другую историческую эпоху...

Годы после окончания университета, видимо, стали для него временем переосмысления многих прежних представлений. В сентябре 1952 г. был арестован отец. Статья была традиционна для тех лет послевоенных репрессий и борьбы с «безродным космополитизмом»: 58-я, часть 10 (контрреволюционная агитация и пропаганда). Апелляции, отправлявшиеся в высшие судебные инстанции сыном,

не имели действия: Давид Александрович был освобожден лишь в 1956 г. Его оправдали, вырвав из жизни четыре долгих года.

Отработав год в Шамардинской школе, которая располагалась в стенах бывшей одноименной женской обители в пяти км от Оптиной пустыни, Ю. Д. познакомился и подружился с учительствовавшим там же Булатом Окуджавой, который «отбывал наказание» (так об этом рассказывал Марголис) за то, что на студенческой вечеринке непроизвольно задел бюст вождя всех народов. Вернувшись в Ленинград¹⁴, Ю. Д. продолжил преподавание в 74 средней школе и книготорговом техникуме. А в 1958 г. сбылась его мечта: он был зачислен в очную аспирантуру ЛГУ по кафедре истории СССР и смог сосредоточиться на научной работе. Руководителем и университетским куратором его стал С. Б. Окунь.

Выдающийся лектор, яркий человек, Окунь отличался тем, что внимательно, даже придирчиво следил за текущей работой своих аспирантов. Доходило до смешного: профессор мог позвонить рано утром и спросить своего ученика, каков его план работы на ближайший день. Если таковой не был заранее сформулирован, Семен Бенцианович выражал большое неудовольствие. Ю. Д. оказался не только талантливым, но и сообразительным учеником: зная привычки С. Б. Окуня, он всегда продумывал, как будет отчитываться перед учителем в случае неожиданного «допроса» в 7 утра. В 1960 г. Марголис блестяще защитил диссертацию¹⁵ и был оставлен преподавателем кафедры истории СССР.

Все складывалось замечательно, перспективы были самые радужные. Его любили студенты и коллеги, он начинал готовить новый спецкурс. И, главное, работа в университете была его любимым делом, она наполняла жизнь Ю. Д. смыслом и значением. Позже он писал: «В те минуты, когда я делаю свое дело, я счастлив»¹⁶. Уже тогда, сравнительно молодым, стал быть популярен в университетских истфаковских кругах, нисколько не проигрывая на фоне продолжавших работать Предтеченского, Окуня, Мавродина... Но важно не только это. Ведь хорошо пишут о многих ученых («выдающийся», «организатор», «первопроходец» и т. п.), а по-доброму, просто, тепло — далеко не обо всех. Люди обычно стесняются слишком явно проявлять свои чувства, декларировать свою любовь. При жизни того, к кому обращены панегирики, это могут воспринять как корысть, после его смерти — как лицемерие и обман. В случае с Марголисом этого нет — и при его жизни, и после его ухода о нем вспоминают одинаково хорошо, т. е. восторженно и душевно. Его любят как замечательного и доброго Друга, всегда заботившегося о тех, с кем когда-либо сводила его жизнь. Он, например, никогда не забывал стариков, как мог, старался им помочь. Трогательны были отношения Ю. Д. с Евдокией Марковной Косачевской, вдовой ректора ЛГУ А. А. Вознесенского, которая в 1968 г. оказалась единственным человеком, проголосовавшим против исключения Ю. Д. из университета (точнее сказать, против резолюции о том, что он «не прошел по конкурсу»). Дружил он также со старейшим доцентом истфака Лидией Ефимовной Анкудиновой, Анжелиной Алексеевной Окунь, вдовой своего учителя, Александром Львовичем Шапиро. При этом в своих отношениях с людьми Ю. Д. всегда был деликатен и корректен. Деликатность — это чувство меры, умение не только слушать, но и слышать ближнего, не причинять ему лишнего беспокойства. Это характеристика по-настоящему культурного человека. О деликатности Ю. Д. написали практически все, чьи воспоминания вошли в книгу его памяти.

Никогда не забывать «о дорогих тебе людях»¹⁷ Ю. Д. призывал и сына Олега, к которому с самого детства относился как к равноправному собеседнику.

Еще одно важное обстоятельство. Ненависть к серости, унылому и безликому существованию и «жадность до людей» во всех ее проявлениях — вот то, что всегда отличало Марголиса, что, так сказать, составляло основное качество его

человеческой природы. Марголису «любой человек был интересен...», он мог всегда найти время для беседы, внимательно слушал собеседника, буквально впитывая «образные слова и выражения», «пополняя свой и без того богатый и неповторимый лексикон»¹⁸.

Впрочем, свой лексикон он пополнял всегда. В начале 1991 года его ученики «издали» сборник афоризмов Ю. Д. под названием «Ремесло историка», в котором было зафиксировано 70 выражений. Отметим, что в тот вечер, когда ему подарили этот небольшой сборник и он признал, что злоупотребляет помещенными в нем афоризмами, на учеников и гостей обрушилось не меньшее количество новых слов и выражений. Оставалось только фиксировать. Новое, второе, издание появилось только в 2001 году, и оно уже насчитывало 200 выражений, восстановленных по памяти учеников! И это далеко не все, так как коллективная память воскрешает все новые и новые крылатые фразы Ю. Д., имевшего удивительный дар отыскивать, а затем использовать яркие, образные выражения, находить им новое применение или, лучше сказать, давать новую жизнь. Он никогда не занимался этим специально. Марголис просто был внимателен к людям — и к мужичкам-охотникам, и к бабушкам-соседкам, и к студентам, к особенностям их речи и поведения. К тому же ему нравилось заниматься словотворчеством. Так, его студенты запомнили крылатые фразы, что «не читать Лотмана — все равно, что зубы не чистить», что «некоторые работы Ленина можно прочитать только в порядке партийного поручения», что «Ленин был живой человек», а также много-много подобных веселых и остроумных афористичных заявлений. Он обращал внимание на появлявшиеся в студенческой (и не только) среде новые слова и термины, чего стоит заявление: «Говоря современным славянским языком, он был спонсором!» И еще один пример: в конце декабря 1966 г. в своей записной книжке Ю. Д. отметил понравившиеся ему выражения (из прочитанного в журнале «Простор» очерка М. Поповского «100 дней академика [Н. И.] Вавилова»), отдельно выделив фразу «стоять на глобусе!»¹⁹. Нет смысла объяснять, что это выражение стало активно использоваться в преподавательской практике, а спустя много лет нашло место и в книге об учителе — С. Б. Окуне. «Подобно Н. И. Вавилову, — писал Ю. Д., — он (С. Б. Окунь — С. Ф., А. Г.) требовал, чтобы исследователь стоял в своем изучении предмета „на глобусе“...»²⁰. В тот же год Ю. Д. получил на 7 октября от семинаристов величальный стих, который заканчивался следующим образом:

Пока живем – мир колесом,
А Вы на глобусе – верхом!!!

...Интерес к людям является, по мнению Ю. Д., важным профессиональным качеством историка. Так, в первой половине 1967 г. из печати вышла его работа «На каторжном острове: дневники, письма и воспоминания политкаторжан „нового Шлиссельбурга“ (1907–1917 гг.)». Чтобы подготовить ее, нужно было быть «контактным до бесстыдства». Поражает сохранившаяся в личном архиве переписка, относящаяся ко времени работы над этой книгой²¹. Ю. Д. разыскал и свел тесное знакомство не только с оставшимися в живых узники «нового Шлиссельбурга», но и с родственниками погибших и умерших. Он редактировал, писал предисловие и комментировал эту книгу (причем, комментарии превратились в небольшую энциклопедию, настолько они были тщательны и обширны). Конечно, не все удалось в этой книжке, учитывая время ее создания. «Почти ничего нет о сталинском людоедстве» — сокрушался автор и тут же в записной книжке добавлял: «Сегодня во сне ощутил доподлинно, сколь страстно его ненавижу, покойника»²².

Увы, в 1967 – 1968 гг. Марголис был вынужден выдержать жестокий удар судьбы: 17 июня 1968 г. в Василеостровском РК КПСС его исключили из партии «за утрату политической бдительности, выразившуюся, в получении и хранении литературы антисоветского и ревизионистского содержания» (книг Ричарда Пайпса, Милована Джиласа) и недоносительстве²³.

Так закончилось его «партийное персональное дело», которое тянулось более полутора лет и было инициировано в связи с делом осужденного 6 февраля 1966 г. за антисоветскую деятельность преподавателя истфака Н. В. Иванова. Последнее расследовалось в рамках прогремевшей тогда в Ленинграде «огурцовой истории»²⁴. 7 июля 1968 г. Ю. Д. уволили с факультета, официально — в связи с неизбранием по конкурсу. Велика ли была вероятность «разгона Совета истфака», если бы не провалили Ю. Д., как это предрекал декан В. В. Мавродин²⁵, не знаем...

Уже в мрачном для Ю. Д. 1968 г. вышла книга «Сквозь время...», документальные очерки о молодых революционерах 1905–1917 гг. Его перу принадлежало пять очерков (в частности, о С. Кирове, В. Лихтенштадте и др.). Случаен ли его интерес к жизни и деятельности молодых революционеров? Очевидно, нет. Его всегда интересовал вопрос становления человеческой личности, влияние на это становление времени, «субъективных» и «объективных» обстоятельств. Показательно, кстати, что уже после пяти лет «фабричной работы» (а с лета 1968 г. по осень 1973 г. Ю. Д. вынужденно трудился в странной для историка должности заместителя главного механика ситценабивной фабрики им. Веры Слуцкой, в результате чего появилась история фабрики²⁶) и возвращения в университет он со свойственной ему увлеченностью погрузился в изучение проблем современного студенчества — в НИИ комплексных социальных исследований при ЛГУ, куда пришел в 1973 г., а потом и студенчества XVIII — начала XX в. Изучением студенчества Ю. Д. занимался в дальнейшем вплоть до своей кончины.

Стоит особо отметить, что Ю. Д. воспринимался друзьями, учениками и коллегами прежде всего как замечательный человек, а уже во вторую очередь — как ученый-эрудит. Справедливо ли это, правильно ли? И да, и нет. Смотря, как и что оценивать. Р. Ш. Ганелин так объяснил причину, мешавшую Ю. Д. писать одну за другой толстые книги, как это делали многие его коллеги по цеху: «Ему была заранее понятна природа явлений и событий, установление которой с соблюдением всех методических исследовательских требований, по большей части, является предметом фундаментальной монографии»²⁷. Рафаил Шоломович считал это оборотной стороной дара исторической интуиции, которой, по его мнению, обладали и С. Н. Валк, и С. Б. Окунь. Нам кажется, что сказанное Р. Ш. — точное определение научного облика Марголиса. Имея колоссальные знания и прекрасную методологическую подготовку, он тем не менее сравнительно поздно защитил докторскую диссертацию. Конечно, его вынужденный уход из университета в 1968 г. был определяющим моментом во всей этой истории: долгих 12 лет Ю. Д. работал вне стен любимого им исторического факультета. Но дело не только в случившемся тогда. Докторская для него никогда не была самоцелью²⁸ — к науке у Марголиса наблюдалось поистине рыцарское отношение. Он любил научный труд «сам по себе», стремясь не к получению ученых степеней и званий, а к тому, чтобы глубоко и серьезно решить конкретную историческую задачу. С юности такой задачей было изучение жизни и деятельности Т. Г. Шевченко; неслучайно в среде шевченковедов Ю. Д. до сих пор считается одним из самых компетентных исследователей. При этом он также понимал, что «за жизненные позиции, скажем за установку оставить историческую науку после себя не хуже того, чем она была по нашему вступлению», — надо платить²⁹. И он платил. Летом 1978 г., еще не имея доцентских «корочек», Марголис грустно шутил: «Быть представленным к оному званию в 1966,... чтобы в Сыктывкаре! — удостоиться в 1978 г.!» И

здесь же комментировал причину «задержки»: «Наши цели — бескорыстные. Их и достигать легче, раз спина не гнется»³⁰. Впрочем, дело было не только в этом: к своему запоздалому доцентству Ю. Д. относился с юмором, называя себя «доцентом-переростком»³¹. Ирония судьбы, изломанной советской действительностью, состояла в том, что в профессорском звании он, любимейший на истфаке преподаватель, официально был утвержден ВАК только в конце 1988 года.

Эта досадная несправедливость, однако же, никак не влияла на отношение к нему и учеников, и коллег — Ю. Д. с юных университетских лет имел репутацию не только знающего, эрудированного историка, но и профессионала высочайшего класса. Своей профессиональной биографией он заслужил высокое звание петербургского профессора, и достаточно поздний срок получения «корочек» здесь ничего изменить не может. Существует и еще одно обстоятельство, которое стоит учитывать при рассказе о Ю. Д. Часто, в ущерб своим научным занятиям, он много времени уделял общению с людьми, самыми разными, обращавшимся к нему за советом, консультацией, помощью. Представить Марголиса одиноким идущим из университета домой³², пожалуй, невозможно. Выполняя огромную нагрузку на историческом факультете, читая лекции в других учебных заведениях города (в разные годы это были Юридический институт, Еврейский университет, Институт Психоанализа, Институт усовершенствования учителей), Ю. Д. успевал внимательно следить за профессиональным ростом своих учеников, интересовался их жизнью, бескорыстно (если такая потребность существовала) помогал им. Очень точно об этом написала одна из первых его аспиранток — Ольга Николаевна Ансберг. Размышляя о том, «как много не сделал Ю. Д., сравнительно с тем, что он мог бы и что задумывал», Ольга Николаевна привела аналогию из области физики: «Тело, которое движется в пустоте, при том же начальном импульсе, проделает больший путь, чем тело, расходующее энергию на взаимодействие с окружающей средой»³³. Именно так! На первом месте — живые люди, их интересы, их настроения, их ошибки даже. Наука, которой Марголис самоотверженно служил всю свою сознательную жизнь, занимала не первое место в жизни, первое — было оставлено для человека, «ближнего», «дальнего», не важно. Это был принцип, который Ю. Д. исповедовал сам и верность которому передал многим из своих учеников.

Значит ли это, что для Ю. Д. наука была чем-то не самым важным (если не второстепенным) в жизни? Так сказать категорически нельзя. Да и своей сложной судьбой он доказал, что готов на жертвы, лишь бы существовала возможность серьезно заниматься любимым делом (заведование кафедрой в далеком Сыктывкаре — достаточное доказательство этого). И все же... Он не был кабинетным ученым, заниматься наукой в отрыве от преподавания было для него вряд ли возможно. Он любил молодежь, до конца жизни оставаясь понимаемым и принимаемым ею. В последние годы Ю. Д. много думал об изменении системы обучения, подготовки новых поколений историков. Он считал в корне неверным отношение к студенту как к ученику, но уже не средней, а высшей школы. «Удержание студента от выполнения профессиональной работы, которая шла бы в дело, — говорил Ю. Д. весной 1990 г., — это есть слабость, благоприобретенная в наше советское время. Потому что в досоветское время, даже в XVIII веке, студент был исполнителем настоящей, серьезной, академической, научной работы»³⁴. Научить студента самостоятельно мыслить, решать сложные историографические, источниковедческие и концептуальные проблемы отечественной истории — профессор Марголис считал одной из своих важнейших профессиональных задач. Надо признать, что эту задачу он решал блестяще. Умея слушать других, он достаточно быстро понимал, на что способен тот или иной студент. Никогда не задевая самолюбия начинающего свой путь историка, он мог

подсказать ему не только необходимую литературу, но и познакомить со специалистом — знатоком вопроса. Часто эти встречи открывали перед учеником новые горизонты, он как бы становился сопричастным «большой науке». Для начинающего студента это совсем немало. Отношение Марголиса к студентам как к коллегам особенно ярко проявилось в сыктывкарский период. «Мне удалось, — вспоминал он позднее, — привлечь студентов к написанию коллективной монографии по истории лесопромышленного комплекса. Двенадцать студентов написали монографию, и эта монография вышла в свет». Этот пример — лучшая иллюстрация крылатой фразы Ю. Д.: «Студент не глину должен месить, а Шартрский собор строить, понимая, для чего он живет на свете»³⁵.

Отдельно необходимо сказать о Марголисе-лекторе. С момента возвращения из Сыктывкара и вплоть до зимы 1996 г., лекции Ю. Д. всегда были аншлаговыми. Он не только блестяще излагал материал, он излагал его артистически, умело сочетая лекцию «на заданную тему» с историческим анекдотом и шуткой, соблюдая «дидактический закон психологии восприятия», который гласит: «Если на 55-й минуте ты не заставишь аудиторию засмеяться, то с вниманием к тебе будет закончено»³⁶. История России (и, прежде всего, история XIX столетия) в его изложении никогда не была скучна и банальна, а лекционный язык Ю. Д. был эмоционально насыщен, он умел ярко и правильно говорить (и в университете не столь частое ныне качество!). К тому же он никогда не воспринимался как ментор, «научавший» школяров. Все это вместе и формировало незабываемый облик Марголиса-профессора.

Другим важным качеством характера Ю. Д. была его искренняя, нелицемерная любовь к Родине, историю которой он великолепно знал. Эту любовь особо высветил сыктывкарский период его жизни³⁷. Действительно, когда появилась возможность вернуться к полноценному преподаванию и занятиям русской историей, Ю. Д., хоть и не без внутреннего борения, нашел в себе мужество оставить Ленинград и поехать на Север. Конечно, материально он выигрывал, получал кафедру и доцентуру, но при этом расставался с любимой семьей³⁸, с любимым городом, без которых не мог представить себе полноценного существования. Было и еще одно обстоятельство, которое сегодняшним скептикам может показаться пустой декларацией. «Есть еще и Россия, — писал Ю. Д. жене, объясняя свой выбор. — Которой служим. Едино только и давно, и впредь. И от историографии успешнее, чем от социологии. Остальное не в счет. В этом наша (не моя ведь?) общая тайна. Она делает жизнь сладостной на всех ее — даже и горьких извивах. Тут наш верх над судьбой»³⁹.

Профессор Марголис потому и запомнился современникам человеком, всегда шедшим по жизни с высоко поднятой головой, что ни в профессии, ни в общении с друзьями, сослуживцами и учениками не был мелочен, пытаясь во всем и всегда «дойти до сути». В жизни это качество являлось своего рода психологическим магнитом, притягивавшим к нему порой совершенно разных (по темпераменту, талантам, опыту) людей. И это вполне естественно: как правило, нас привлекают оптимисты, умеющие брать верх над судьбой. Все это можно понять, прочитав книгу памяти Ю. Д., которую можно назвать... нет, не памятником ему, а всего лишь пьедесталом к памятнику. Памятник же ему будет постоянно создаваться, пока сохраняется живая память о нем и добрая улыбка, освящающая лицо человека, говорящего всего три слова: Юрий Давидович Марголис.

Своей жизнью Ю. Д. написал книгу со счастливым концом, а это удел избранных. Его помнят и любят, ему посвящают свои научные работы давно повзрослевшие его ученики — не случайно, что и книга памяти завершается статьями учеников. Кстати сказать, удивительный «разброс» тем этих статей сам по себе требует комментариев. Ученики Ю. Д. писали о судьбе Гетманщины в середине

XVII века и о формировании дворянского самосознания в веке XVIII, об александровской эпохе и о декабристах, о социальной программе П. А. Кропоткина и Бестужевских курсах, о студенческом движении, а также о многом другом. Не странно ли? Как мог один спецсеминар, руководимый Ю. Д. Марголисом, объединять людей, занимавшихся столь разными сюжетами? И хотя спецсеминар был посвящен изучению истории общественного движения в императорской России, то есть теме достаточно широкой, все-таки временной и предметный «разброс» слишком велик (а Гетманщина и вовсе оказывается «за бортом»).

Объяснение этому обстоятельству весьма простое — масштаб личности научного руководителя, который в течение жизни занимался различными вопросами отечественной истории и часто (не по своей воле, отметим специально) вынужден был менять предмет занятий. Ю. Д. исследовал вопросы, которые, если бы не жизненные коллизии, никогда не привлекли бы его внимания. Но судьба сложилась так, как сложилась. Кто знает, сформируйся Ю. Д. как историк не в стенах исторического факультета Ленинградского университета, слишком частая смена тем и сказалась бы на его профессионализме, приучив делить исторические сюжеты на главные и второстепенные. Но этого, к счастью, не произошло. Он всегда серьезно относился к любой проблеме, которую исследовал. Прекрасно разбираясь в том, что такое «магистральная тема» для становления и развития ученого, Марголис в течение большей части своей жизни в науке занимался изучением проблем, первоначального интереса к которым не испытывал. Но, начиная чем-либо заниматься, он втягивался в работу, стараясь максимально успешно разрешить поставленную исследовательскую задачу.

Вспомним: в университетские годы внимание Ю. Д. было приковано к XVIII в., к эпохе Петра Великого, но в конце концов он стал изучать творчество и политические взгляды Тараса Григорьевича Шевченко. Таким образом, история Украины навсегда стала одной из основных тем Марголиса. В первой половине 1960-х годов Ю. Д. активно занялся изучением предреволюционной истории России, читал на факультете спецкурс «Кризис „верхов“ накануне Февраля». Собственно, тогда и началась подготовка докторской диссертации, прелюдией к которой был спецкурс. Читал его Марголис с увлечением, используя и новые, добытые в архивах документы. Интерес к истокам русской революции 1917 года тогда случайным не был: после XX съезда партии исследователям, наконец, стали доступны ранее закрытые материалы, появилась возможность детально изучать кризис самодержавия конца XIX — начала XX вв. Не удивительно, что в то время ряд молодых ученых, ранее специализировавшихся по другим историческим темам (например, сокурсник Ю. Д. «всеобщник» В. С. Дякин), приступили к изучению эпохи Николая II.

Увы, для Ю. Д. работа над этой темой оказалась вынужденно прерванной в 1968 году. И что же? Новая тема — история фабрики имени Веры Слуцкой; затем — социологические исследования студенчества; после — совместное со студентами написание истории Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. По возвращении в Ленинград в 1980 году — обращение вновь к шевченковской проблематике. И это далеко не все. Сквозной темой для Ю. Д. всегда было изучение истории Петербургского-Ленинградского университета. Он участвовал в подготовке и издании воспоминаний об университете XIX — первой половины XX вв., исследовал историю Академического университета XVIII в., вписав ее в «большую историю» *alma-mater*⁴⁰, прекрасно знал историю студенческого движения — от студентов-петрашевцев до Февраля 1917 г., писал об истории ЛГУ и судьбах универсантов в годы Великой Отечественной войны. Он был также одним из основателей Музея истории университета, долгие годы осуществляя методическое руководство Музеем. Ю. Д. интересовался и вопросами, имевшими

отношение к литературоведению: уже после его кончины, в 1998 году, была опубликована книга о Н. В. Гоголе, об истории общественного восприятия последней книги писателя «Выбранные места из переписки с друзьями».

Обращение к столь разным историческим проблемам содействовало формированию поистине уникального профессионального кругозора и эрудиции Ю. Д., способности видеть частную проблему в широком историческом контексте. Будучи сам увлеченным человеком, Ю. Д. любил увлеченных, умел «заражать» студентов своей страстью к познанию. Это удивительное качество — качество Учителя, не могло не проявиться при общении Марголиса с учениками (ведь университет — это не только учено-учебное заведение, но и школа профессионального и человеческого общения, в идеале по крайней мере). За всем этим и шли к Ю. Д., почти всегда находя то, что искали; этим и объясняется, как мы думаем, столь широкий круг интересов участников его спецсеминара.

Но бывших «семинаристов» объединяет не только память о прошлом (прошлое, особенно студенческое, как правило, всегда вспоминается с ностальгией). Их объединяет и день сегодняшний. После нескольких лет перерыва старый спецсеминар зажил новой, неформальной жизнью. «Семинаристы» Марголиса стали вновь встречаться в стенах университета или в доме Учителя, эти встречи стали возможны благодаря его вдове, Нине Олеговне Серебряковой, ставшей ангелом-хранителем семинара (практически ни одно событие не проходит без ее помощи и участия). Восстановление семинара можно оценивать по-разному: и как «рефлексию» учеников, желающих «вернуть время вспять», и как встречи единомышленников-профессионалов, дорожащих возможностью обсуждать в дружеской атмосфере «цеховые» вопросы, и как-нибудь еще... Но, думаем, это прежде всего — яркое, искреннее проявление того феномена, который можно назвать живой (или деятельной) памятью.

И последнее. Ю. Д. шел по жизни с высоко поднятой головой, умея шутить и смеяться, не обижая при этом идущих рядом с ним. В любой ситуации он умел оставаться легким (и никогда — легковесным). Удивительный и потрясающий пример из последних дней жизни Ю. Д., со слов врача. У постели его собрался «консилиум», который вынужден был заключить: больной безнадежен!.. Кто-то из врачей с тревогой спросил беседующих коллег: «Больной нас не слышит?» И тут Ю. Д., приоткрыв глаза, слабым голосом произнес фразу, ставшую его последней шуткой на Земле: «Больной все слышит. Только лечить его больше не надо, а то он и слышать перестанет»⁴¹. Его не стало 14 февраля 1996 года... За несколько недель до этого события к 65-летию Ю. Д. был подготовлен библиографический указатель его трудов. К вступительной статье, готовившейся при жизни Марголиса, пришлось делать горькое добавление, немного задержав выход указателя из печати...

Пожалуй, все. Говорить больше не стоит. Стоит читать, читать книгу памяти Ю. Д. Марголиса, книгу его жизни: о нем, о его поколении, о том историческом времени, в котором он (они) жили, радовались и грустили, смеялись и плакали, оставаясь просто честными людьми с неспящей совестью.

Ю. Д. сумел создать школу не только квалифицированных историков, но, прежде всего, союз людей, понимающих ценность человеческого общения, человеколюбия и взаимоподдержки. Суммируя сказанное, мы вправе задать патетическим вопросом: разве можно не считать создателя такого союза человеком счастливым, да и сам такой союз — великолепным итогом его достойно и красиво прожитой жизни?!

...Хорошие эпитафии из видланделей, сонетов, канцон,
Полудетективный сюжет, именуемый — жизнь.
...Пришлите мне эту книгу со счастливым концом!

¹ Вариант этого очерка под названием: «„В те минуты, когда я делаю свое дело, я счастлив“». Ю. Д. Марголис опубликован в книге: Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. 2. СПб., 2003. С. 472–487.

² Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания / Сост. Н. О. Серебрякова, Т. Н. Жуковская. СПб.: Серебряный век, Контрфорс, 2000.

³ Дважды представлялась ему возможность побывать за границей: впервые в начале 90-х годов, когда его пригласили прочесть курс лекций в Китайской Народной Республике; во второй раз — в 1994 г., когда он должен был принять участие в конференции по истории Украины, проходившей в Канаде, но подвело здоровье. А в первом случае его не отпустило тогдашнее факультетское руководство со словами: «Еще не все *наши* студенты прослушали марголисовские лекции».

⁴ *Аль Д.* Восстановление ума по черепу. СПб., 1996. С. 23–24.

⁵ Там же. С. 26–27.

⁶ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 15.

⁷ Там же. С. 16.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Семья Ю. Д. в то время проживала на Невском пр., д. 29. Он прожил там девять лет, до августа 1953 года. До войны семья ютилась в одном из общежитий Васильевского острова.

¹⁰ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 401–402.

¹¹ Там же. С. 405.

¹² В последние годы жизни Ю. Д. собирал материал для книги «Мой друг Тарасов», намереваясь рассказать о своем современнике не только по долгу дружбы, но и по долгу историка. См.: Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 550–559.

¹³ Там же. С. 403–404.

¹⁴ Причем на новое место, т. к. семья переехала в угловой дом по адресу: Конюшенная пл., д. 2 / наб. канала Грибоедова д. 3, кв. 109. Этот адрес Ю. Д. сменил, переехав на наб. Мойки, д. 82, кв. 24, когда соединил свою судьбу с Ниной Олеговной Серебряковой.

¹⁵ В 1964 г. диссертация была издана в ЛГУ под названием «Исторические взгляды Т. Г. Шевченка».

¹⁶ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 217.

¹⁷ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 225.

¹⁸ Там же. С. 405.

¹⁹ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 150–151.

²⁰ *Марголис Ю. Д.* Семен Бенцианович Окунь. Жизнь историка, рассказанная его книгами, документами и свидетельствами современников. СПб., 1993. С. 10.

²¹ В архиве Ю. Д. Марголиса сохранилось 112 писем, написанных ему героями этой книги, старыми революционерами, и их родственниками.

²² Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 153.

²³ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 173 – 174.

²⁴ Игорь Огурцов был руководителем Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа (ВСХСОН), еще в начале 1960-х годов разработавшего оригинальную политическую концепцию христианско-социалистического характера. «Социал-христианская государственная доктрина, – писали в своей программе 1964 г. всхсоновцы, – рассматривает как безусловное зло такую организацию власти, при которой она является призом соперничающих партий». И. В. Огурцов и его единомышленники были арестованы и осуждены на длительные сроки заключения. Пострадали и те, кто имел к всхсоновцам хотя бы опосредованное отношение.

²⁵ Там же.

²⁶ Эта книга «Фабрика на взморье» (1973), от первой до последней строки написанная Юрием Давидовичем, но изданная без указания на его авторство, позволила ему в трудные годы не только реализовать свои профессиональные возможности, но и всерьез заняться «рабочим вопросом», который сыграл важную роль в формировании революционной ситуации в России конца XIX — начала XX вв. Книга была дорога ему прежде всего тем, что удалось документально установить подлинную дату основания фабрики, а это позволило отпраздновать ее юбилей на несколько лет раньше, и к юбилею получить жилой дом для работников. Ю. Д. Марголис и спустя десятилетия рассказывал об этом с неподдельной радостью — от сознания причастности к доброму делу, к изменению жизни людей.

²⁷ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 436.

²⁸ Докторская диссертация была защищена Ю. Д. на историческом факультете ЛГУ только в 1985 г. и называлась «Т. Г. Шевченко и русская демократическая историография второй половины XIX века». В 1991 г. на основе диссертации была опубликована книга.

²⁹ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 243.

³⁰ Там же. С. 242.

³¹ Там же. С. 243.

³² После возвращения из Сыктывкара и «воссоединения семьи», Ю. Д. почти 12 лет жил по адресу: Невский пр., д. 154, кв. 4, последние 4 года – в Дегтярном переулке, д. 1/8, кв. 66.

³³ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 477.

³⁴ Там же. С. 273.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 342.

³⁷ С 1976 по 1980 гг. Ю. Д. Марголис заведовал кафедрой истории СССР Сыктывкарского государственного университета. В это время он жил в столице Коми АССР на ул. Коммунистической, д. 62, кв. 20.

³⁸ Семья в это время (с июля 1975 по июль 1980 г.) проживала на пр. Римского-Корсакова, д. 17, кв. 3.

³⁹ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 217.

⁴⁰ Книга об этом («„Отечеству на пользу, а россиянам во славу...“ (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. »), написанная в соавторстве с Г. А. Тишкиным, вышла в ЛГУ в 1988 г. В 2000 г. вышла вторая книга, посвященная истории университета («„Единым вдохновением“: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в.»).

⁴¹ Памяти Ю. Д. Марголиса... С. 488.

М. И. Бурлыкина

Сыктывкарский период в жизни Ю. Д. Марголиса

В истории Сыктывкара есть период, связанный с жизнью крупного ученого, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, доктора исторических наук Юрия Давидовича Марголиса (1930–1996). Этот период стал незабываемой страницей в судьбе многих преподавателей и студентов.

Каждый, кому повезло познакомиться и общаться с Юрием Давидовичем, отзывается о нем только в превосходной степени.

Впервые мне удалось увидеть его в 1976 году. Доктор географических наук, профессор Валентина Александровна Витязева, первый ректор Сыктывкарского государственного университета, созданного в 1972 году, попросила меня встретить Юрия Давидовича в аэропорту. «А как я узнаю его?» — спросила я удивленно. «Ну, уж постарайтесь», — услышала в ответ.

Все мои опасения оказались напрасны. В толпе пассажиров Ю. Д. Марголиса я выделила сразу. Рыжая замшевая куртка, шевелюра рыжих (как мне тогда показалось) волос, умный, пронизывающий взгляд... Сомнениям не осталось места — это был именно Марголис. И тотчас подошла к нему.

Так мы встретились.

Спустя 20 лет я проводила его в последний путь. В тот день, 14 февраля 1996 г., я волею судьбы оказалась в Петербурге. Устроившись в гостинице «Октябрьская», сразу же позвонила Марголисам. К телефону подошла Нина Олеговна: «Майечка Ивановна, дорогая, Юры сегодня не стало».

Передо мной, ошарашенной этим известием, сразу же предстала колоритная фигура Юрия Давидовича, а в ушах звучал его голос, его речь — убедительная, остроумная, притягивающая к себе людей.

Между этими датами — руководство моим дипломным сочинением, кандидатской диссертацией, подготовка докторской, работа над которыми диктовала частое общение.

Студент, аспирант, преподаватель Ленинградского университета, кандидат наук — и вдруг заместитель главного механика фабрики имени Веры Слуцкой. Член КПСС, исключенный в 1968 г. из рядов партии «за утрату политической бдительности». Восстановленный в партии в 1976 г., но не допущенный к преподавательской деятельности.

Когда Юрию Давидовичу предложили путь к возвращению в родной университет через Сыктывкар, он согласился. Конечно, многие — его друзья, соратники, близкие — воспринимали эту поездку как ссылку. Так вначале думал и он. Но оказалось, что в далеком северном городке живут его единомышленники. Так Юрий Давидович стал заведующим кафедрой истории СССР Сыктывкарского государственного университета. Проработал он здесь четыре учебных года. Они оказались очень яркими. И хотя Юрий Давидович рвался вернуться в родной Ленинград, но частичка сердца и души его осталась на Севере. Он писал позднее: «Сыктывкара, признаюсь, мне не хватает»¹.

Свое отношение к приглашению в Сыктывкарский университет он прокомментировал в письме жене: «Мне предложили заведовать кафедрой. Истории СССР! В университете!! Государственном!!! Ура — давно пора? Оно бы и так, — да университет тот в Сыктывкаре. Это Коми республика. Я говорю в парткоме и ректору: мол, я и здесь готов что-нибудь укрепить и направить, историческое. А руководящие товарищи ведут такие речи: у нас с Сыктывкаром договор о шефстве, а мы его выполняем плохо, кроме вас слать некого, тем более, что мы вам не так давно помогли, рассчитываем на вашу помощь, а если нет, то скрывать от коммунистов не будем, и на сентябрьском собрании так и скажем о дефиците у вас патриотических чувств».

Командировка предполагалась на два-три года, а продлилась почти пять лет. В Сыктывкаре Ю. Д. Марголису гарантировали звание доцента в ближайшее время, отдельную жилплощадь, создание условий для написания докторской, а по возвращении в Ленинград — работу в соответствующей должности на истфаке ЛГУ. Ставили задачу — деятельность кафедры, «где сидят бывалые педагоги», поднять на «недостижимый университетский уровень».

Юрий Давидович был счастлив, что появилась возможность преподавать. Пускай даже вдали от дома — в столице, как шутил он, «комического» края. На ситценабивной фабрике и в НИИКСИ он скучал по преподаванию.

20 сентября 1976 г. он писал родителям Давиду Александровичу и Варваре Ивановне: «В 8.00 отправился в Университет, продолжал принимать дела (у предыдущего заведующего кафедрой доцента Т. И. Беленкиной — М. Б.). Сегодня определял «нагрузочные» поручения, и себе в том числе. Главное будет — курс в 106 часов «История СССР. 1861–1917». Это мое. 1 ноября начнется. А часов-то, в действительности, — 148, чего и в Ленинграде нет». 21 сентября в письме жене он продолжил эту тему: «С нагрузкой у меня определилось так: общий курс годовой — история СССР (1861–1917). Ура — давно пора! Плюс с[пец]семинар по «Февральской революции», плюс «Кризис «верхов»...», с[пец]/с[еминар] для пятикурсников «История и социология». Это надо делать заново. Плюс включиться в тему «Рабочий класс республики в условиях развитого социализма», каковую ж и ... руководить». Родителям он признавался: «Нынче я руковожу, а руководить мне без привычки».

Ю. Д. Марголис, имея опыт изучения истории промышленных предприятий, всех заинтересовал научной темой по истории Сыктывкарского лесопромышленного комплекса. Это крупнейшее в Европе производство включает семь

фабрик и заводов, изготавливает бумагу, картон, фанеру и другую продукцию. Юрий Давидович создал студенческую лабораторию, и студенты прямо на ЛПК защищали свои курсовые и дипломные проекты. В результате появилась замечательная книга «Гигант на Вычегде», плод коллективного творчества².

С его приходом на факультет стало интересно учиться. На его занятия приходили студенты с других факультетов. Это были своеобразные лекции-спектакли — яркие, глубокие по смыслу, содержательные, переданные с артистической легкостью, украшенные искрометным юмором. Студенты сидели зачарованные в тишине, прерываясь лишь на аплодисменты, и записывали его меткие выражения — «марголизмы», пытаясь затем подражать мэтру.

Кроме того, благодаря широкому кругу знакомых в Ленинграде, Юрий Давидович регулярно приглашал в СГУ для чтения лекций самых известных ученых.

Наконец, он способствовал перенесению в молодой вуз старых университетских традиций: ставились капустники, Дни факультета. Заводилой, автором сценариев, многих стихов, песен был, конечно, он сам. Он первый и пел, и плясал, и балагурил, и включал энтузиазм остальных.

Конечно, Юрию Давидовичу, избалованному общением с избранным студенческим сообществом, первоначально было сложно найти общий язык с провинциалами: «Тем, как я читаю, я не очень-то доволен... Лекция, как известно, процесс обоюдный. Творят его и студизусы — восприятием, реакциями и пр. подобным. В Ленинграде с этим всегда было все в порядке. А тут часть отроков и отроковиц сидят несколько озадаченно. Стало быть? Надо походя, мимоходом решать нерешенные задачи для их школьного образования. А это требует, вот именно, добавочных усилий и забот. Так что покуда не до докторской, а привести бы их в рабочее состояние, моих некоторых скоропостижно принятых, но и это будет».

Ленинградца удивляло в северном городке многое. Не только не обремененные лишними знаниями студенты, но и его небольшие масштабы, компактность и близость к природе — Сыктывкар (дореволюционное название Усть-Сысольск) в длину растянут на десятки километров вдоль соединяющихся рек Сысола и Вычегды. Ширина города всегда была незначительной, не более 3-х км: от парка культуры и отдыха имени С. М. Кирова, что на реке Сысола — до железнодорожного вокзала, за которым сразу же начинался лес, где любят гулять, а зимой кататься на лыжах горожане. Университет размещается в новой части города, ближе к железнодорожному вокзалу. Еще ближе к нему располагается пятиэтажный кирпичный дом со всеми удобствами под условным названием «профессорский» (построенный по заказу университета), в котором жил Ю. Д. Марголис («сыт, в тепле, в трехкомнатной квартире о двух клозетах и двух балконах»).

В зоомагазине (на первом этаже своего дома) Юрий Давидович приобрел бельчонка, назвав его сначала Хват, а затем Топ (имя соответствовало поведению). Веселое животное явно украсило повседневность ученого. В письме родителю от 3 октября 1976 г. он так описывал свою сыктывкарскую жизнь: «Сегодня тут тихие белые снега. Пошел я в лес, до которого 10 минут ходу, если прямо с кафедры туда направиться, а из дому и того меньше, принес ветку с шишками... и уверенно подумал, что здесь неплохое место «культуры и отдыха». Да и в самом доме просторно и покойно... А ванна, кровати, мягкий инвентарь, игры (типа карты, кости, шахматы) есть, как и радио. А телевизор надо будет — купим...». В привокзальном ресторане (он в пяти минутах от дома — М. Б.), где народу «никого», Юрий Давидович иногда очень вкусно и дешево обедал, но чаще питался дома — «люблю постряпать, да и дача приучила». И вообще, «все-то у нас тут есть, а мясо по-прежнему вредно, а прочее все продают, и нет дороговизны».